

Владимир БАДИКОВ

И стех, и грех

Сборник рассказов II

От автора

Прошло четыре года - и вот на суд читателей мною представлены новые рассказы и даже сказка. Эти произведения в основном печатались в областных изданиях и читались по радио.

В своих работах, насколько смог, - а это главная задача, - я описал без прикрас нашу бурную и изменяющуюся жизнь.

Владимир Бадиков

г.Биробиджан 2000 год

БЛИЗНЕЦЫ

Сашка и Митька - близнецы. Постоянно дрались между собой, ябедничали друг на друга. Одним словом, вели себя нехорошо. Родители не знали, что делать со своими чадами. Какие только наказания и увещевания они не перепробовали, а братья так и не мирились, оставались врагами.

"Что с ними делать?" - думал отец, глядя на своих малолетних, всего еще по шесть лет, близняшек. - Как они в школу пойдут? Нет! - решил он. - Хватит им игрушек и мамочки под боком, которая лелеет их. Это в конце концов мои пацаны и ими займусь я сам!" - так решил умудренный опытом их родной отец.

Было жаркое лето, даже ночью духота не давала спать. Цветущие липы в это время выделяли сладкий нектар, запах от которого, носимый влажным ветерком, пропитывал воздух июля.

В очередной раз, когда братья снова разодрались и мамочка их успокаивала, отец, с досадой глядя на эту идиллию, проговорил:

- Хватит, Нюся, с ними чикаться! Они взрослые и поедут сегодня со мной на пасеку.

- Нет! - вскрикнула мама. - Их там пчелы покусает, а мне их в школу собирать, в первый класс. Не забывай, папуля, на следующей неделе им уже аж по семь лет исполняется, - и она посмотрела на своих детей с такой любовью, как и на папу, когда тот ей подарки дарил. - Не пущу! - при этих словах ее смуглое лицо с накрашенными губами и, наверное, красивое, потому что дети ее любили, а возможно, папа, когда не ругалась, опять имело грозный вид.

- Нюсенька, голубушка, ты чего испугалась? Я же - их родной отец. Я с детьми на машине к дяде Сереже туда и обратно - за медком съездим. А возможно, и рыбки привезем. У него речка рядом. Да и детям на свежем воздухе надо отдохнуть. К тому же они большие, сама говоришь. Дядя Сережа нас давно приглашал, вот и машина, кстати, подвернулась. За нами заедет к 12-ти часам, - и папа посмотрел на часы.

Дети переглянулись, словно посмотрели в нормальное зеркало, мысли их были едины. "Ехать!" - решили они, - в голос завопили:

- Едем! Едем! К дяде Сереже!"

Ее муж с ней никогда не ругался, не орал, как ошпаренный, как некоторые в порыве гнева. Его подвижную мускулистую фигуру плотно облегал спортивный костюм. На чисто выбритом худощавом лице щеки горели, как после бани, испарина на лбу, короткая стрижка, веселые, добрые голубые глаза и улыбка обезоружили молодую женщину. И мама сдалась, отпустив детей с папой в гости к дяде Сереже на пасеку.

Пасека встретила гостей радушно. Добрый пес, повизгивая, умудрился облизать лица братьям, гладившим его. Свежий ветрок с залива ласкал приятно людей, траву, деревья и радостных щебечущих птиц. Игривые тучи, проплывая в небесах и отражаясь в воде вместе с пасекой, близкими и далекими деревьями, от этого казались как бы на огромной картине, уходящей к горизонту. Неутомимые труженицы, пулями снуя над просторами бездонного воздуха и возвращаясь домой, тяжелые с грузом нектара, обессиленные от своей ноши, падали на прилетки. Гул от пчел с пасеки, повизгивания песика, возгласы и смех приехавших и встречавших под ярким солнцем средь ароматной зелени, расцвеченной цветами, - все это было райской мелодией жизни.

Дядя Сережа был весел, он обнимался со всеми приезжими и угощал всех чем мог. Папе налил медовухи, от которой тот, как и дядя Сережа, стал еще веселее и разговорчивее, а детей угостил медом в белых-пребелых сотах с чудными для них названиями, языками. Эти сделанные пчелами языки были такие сладкие-пресладкие, вкусные-превкусные. Жевать их было - такое наслаждение, что никакая жвачка не шла даже в ближайшее сравнение.

Даже свежий воздух и пасека - и те не мирили детей. И тут они, в гостях у дяди Сережи, по пустякам друг на друга, как говорил папа, стали бочки катить. Но дядя Сережа, глядя на маленьких забияк, улыбаясь, весело сказал:

- Я умею мирить и не таких. На всю жизнь помирю и водой, даже кипятком потом не разольешь их. Спорить по этому поводу не буду, сами увидите. Но сначала надо на рыбалку сгонять, пока пчелы мед в ульи натаскивают. Ну как, согласны, господа офицеры? - и он подмигнул на минуту успокоившимся огольцам своими зеленоватыми глазами, глядевшими на них из-под кустистых черных бровей.

Ребятишки были вне себя от свалившегося на них счастья. Дядя Сережа любил командовать, и скомандовал он со всей серьезностью очень делового человека. Его глаза сверкнули какой-то хитроулыбкой, словно он собирался не на рыбалку, а играть в прятки.

- Дети! Вон удочки. Аккуратненько их соберите и несите в лодку. Весла не забудьте, котелки, палатку обязательно берем с собой, так как едем с ночевой.

Рыбаки без суеты уложили снасти, заняли свои места в лодке. Собака Штопор, дворняжка высоких кровей (ее предки летали в космос еще до Юрки Гагарина - так говорил дядя Сережа), тоже заскочила в лодку и уселась на самом носу. Пасечник закурил сигарету и, оттолкнув лодку от берега, завел мотор. Моторка, погнав высокую волну, устремилась вверх по речке, на залив, туда, где рыбы немеряно, где рыба кишит.

Высокие, обрывистые берега со спускающимися по ним, словно вревки, корнями деревьев сменялись раздольными лугами, уходящими вдаль, к релкам, и синие сопки на горизонте сливались с голубыми небесами, на которых белые тучи, развеясь, отражались в воде, по которой быстро скользила моторка с рыбаками. Бесчисленные повороты речки и плесы остались позади, и вот лодка уткнулась в песчаный берег. Штопор выскочил из лодки, за ним сошли все.

- Вот и приехали. Будем ставить палатку, кипятить чай, рыбачить и варить

уху. Дети, за работу! Натаскайте валежник, - распорядился такой деловой пасечник.

Но дети стали препираться и кричать друг на друга:

- Иди ты.

- Нет, ты иди, а я тут, у костра, помогать буду.

Дядя Сережа, глядя на такое семейство, хохотал и говорил папе:

- Так они, пререкаясь, тебе воды не подадут, от жажды дубы-то сечанешь в свои неполные тридцать лет.

Наконец, и палатка поставлена, и костер запылал, и чай закипел, и папа с дядей Сережей карасей, касаток для ухи надергали. Уха из свежей рыбы да приготовленная еще на костре с дымком - это ли не праздник желудку. Поэтому аппетита не пришлось никому занимать. Трапеза прошла на самом высоком уровне. Затем дядя Сережа с папой о чем-то стали спорить и поспорили о том, что дети за трое суток будут как шелковые и в этом они помогут сами себе под неусыпным контролем Штопора. Папа сначала не соглашался, но убедительные доводы и спор, а главное - драка двух сорванцов из-за удочек сделали свое дело.

- Итак, дети, - проговорил дядя Сережа, - мы с папой сейчас сплавляем за сетками, чтобы поймать большую рыбу, потому как впопыхах забыли их на пасеке, а вы валежника на ночь побольше заготовьте.

И, быстро собравшись, взрослые уплыли. Дети сначала обрадовались своему самостоятельному, без взрослых существованию. От этого в подсознании поваяло новым чувством, которых им судьба будет в жизни преподносить и преподносить.

А пока они собирали палки и складывали на кучу у костра. Но день подходил к концу, а папы и дяди Сережи все не было и не было. Солнышко из-за сопкок обласкало своими последними лучами тучки, небосклон, расцвечивая их всей гаммой расцветок, только цветы по красоте могли соревноваться с этим великолепием.

И вот уже они натаскали, как им показалось, сухих палок впрок. И, проголодавшись, хотели поесть ухи, сваренной намеренно. Их опередил пес, который, подбежав к котелку с ухой и с удовольствием помавив хвостом, полакал из котелка. Хотя барбос был и благородных кровей, но братья не стали есть уху после него. Попив чаю, стали у костра ждать моторку, на которой должны были приплыть дядя Сережа и папа.

Но вот уже и звезды высыпали на черное небо, и они вдруг поняли, что ночевать будут одни. Им стало жутко, в их комнате ночник горел, и то страшно было, а тут костер, хорошо, хоть фонарик с собой взяли. Недавно еще шкодливый и от этого противный, теперь самый лучший пес Штопор лежал невдалеке и охранял их от волков и медведей - так думали оробевшие, одинокие дети, сидевшие на бревнышке, прижавшись друг к другу.

Наутро взрослых тоже не было, не было их и весь день. Санька с Митькой стойко переносили свалившиеся на них непредвиденные обстоятельства. Они уже не ругались - не оттого, что жаловаться было некому, а оттого, что они поняли, как дороги друг другу. Поэтому они совместно заготавливали дрова и даже ловили на удочки рыбу.

Санька с Митькой, прислушиваясь к далекими шумам машин, различали и шум моторок, при этом глаза их светились надеждой. Но к ним никто не плыл. Голод им был не страшен: взрослые оставили им продуктов достаточно, но дети решили сами готовить себе уху и чай. Вместе, как их научили взрослые. Когда

Санька полез в рюкзак за картошкой, то обнаружил там даже транзисторный приемник. Но детям и без него уже было не скучно. Моментально включенный приемник запел, их маленькая, уже дружная компания пополнилась еще одним членом, который сам никуда не просился и ничего не хотел.

Маленькие пацаны разведали свой остров и были изумлены - на нем росли смородина и даже сладкая малина, а рядом, в болоте, на кочках жили утка с маленькими нырливыми утятами, на противоположной стороне залива среди кувшинок прохаживался осторожный аист. Он ходил по мели, будто ребенок босиком, попавший на полянку с цветами со множеством работающих на них пчелами и боявшийся наступить на одну из них. Обозревая видимые просторы своей вотчины, малыши увидели животное наподобие коровы, только вместо рог это чудо-юдо имело на своей голове красивую корягу в виде пеналки, причем оно, забравшись в воду, пожирало очень мокрые водоросли с таким аппетитом, что даже вездесущие пауты, и те поналетели на трапезу. Дети, увидев открывшийся до этого невидимый для них мир и потихоньку, как в засаде, рассматривая дикое животное, отодвигая кусты, чтобы лучше увидеть, продвигались к краю берега.

Вдруг Митька с Сашкой, оступившись, сорвались с крутого берега, с пронзительным криком "Мама!" упали в воду и стали тонуть, заглотившись в траве. Расширенные от ужаса глаза смотрели на мир последние мгновения.

А в это время дядя Сережа и их родненький папаша, отдыхая на пасеке в тени, с большим наслаждением дегустировали холодную медовуху. При этом они вели разговор о жизни, папа мечтал о том, как вырастут его красавцы, поженятся, внуки будут - главное, чтобы не было войны. Дядя Сережа, посмотрев на запад и увидев надвигающуюся грозную тучу, сказал:

- Надо до дождя успеть сбегать и проведать детей. Позавчера и вчера они держались молодцом, а как сегодня будут себя вести, увидим. Это испытание им на всю жизнь запомнится, так что этот урок им пойдет впрок.

Взрослые, быстро собравшись и навеселе, пешком пустились в путь, как это они делали с тех пор, как оставили на островке детей. Хорошо, что сходить до папанинцев - так детей прозвал дядя Сережа - было недалеко, напрямую по высохшей заиленной протоке около километра, а на лодке по речке, которая в этом месте делала петлю, километров около десяти и плыть надо около часа. Если бы дети знали, что они находятся около пасеки рядом, то домой прибежали бы уже давно. А взрослым приходится постоянно ходить и наблюдать, как идет перевоспитание, а вернее - посвящение в мужчины этих маленьких и непослушных детишек.

Подкравшись к противоположному берегу, пасечник и папаша из-за кустов стали наблюдать за происходящим. Детей не было! Куда они могли подеваться? Еще два часа назад сидели на берегу и рыбу удили. Дядя Сережа достал из рюкзака термос, открыл крышку, налил в нее медовухи и подал папе, который был очень встревожен. Да и так все эти дни он был как на иголках, а тут детей нет. "Что могло с ними случиться?" - подумал он. Было жарко, душно, и он залпом выпил содержимое.

Тревога нарастала с каждой минутой. Пасечник налил себе и залпом выпил, при этом крикнул и, посмотрев на папашу, покровительственно, как ему в данный момент казалось, мудро сказал:

- Выпить каждый сумеет, а вот крикнуть - не каждый, - и, вытерев с важностью губы, пробормотал недовольно:

- Куда эти постреляты удрапали? Скорей всего, малину надыбали и не могут от нее оторваться.

Как вдруг на берег с громким лаем выскочил Штопор. При этом он скулил и катался по траве. За ним с воплями выбежали из кустов детишки и юркнули в палатку. Штопор, еще раз взвизгнув, устремился за ними. И вот уже из палатки слышались возбужденные голоса детей, они громко говорили и до взрослых хорошо долетали их слова:

- Этот Штопор, играя, откуда он выскочил? Где он их нашел, этих кусучих ос? Мне в попу и спину.

- А мне в руку и спину укусили.

- Не укусили, а ужалили! Дядя Сережа мне говорил, что у пчел и ос зубов нет, поэтому они жалят, а не кусаются, как собаки.

- А меня собака когда укусила, то так больно не было, как теперь, от такой маленькой оски.

- А мне уже не больно - курица довольна.

- Да и мне тоже. И не страшно.

- И мне не страшно.

- А когда в воду упали, страшно было?

- Еще как поначалу! А когда на дно наступил и оказалось, что там мелко, то сразу героически стало.

- Это хорошо, что мы не утонули, а то папа и мама горько-прегорько бы плакали.

- А почему нас у мамы с папой только ты и я?

- Не знаю, может, капуста мало на даче растет, там детей находят.

- Ха, капуста. А зимой, что из бочки детей выкапывают? Надо маме с папой сказать, что нам сестренка нужна. Ох как нужна...

- И братик тоже еще нужен, маленький такой, пупсик. Мы бы их на санках зимой катали, а летом бы в гости к дяде Сереже с собой брали. Где же папка с дядей Сережей? Ждать их уже надоело. Сказали, скоро приедем, а уже страшные две ночи их нет.

- А эта ночь уже не страшная будет, это всегда так - сначала страшно, а потом - фу! - и не страшно. Так то мы уже героические стали. Вот увидела бы нас мама, - и дети враз вздохнули.

Дядя Сережа, услышав душевные, навеянные детской мечтой признания, был в ударе, он до слез хохотал над тем, как эти смилившиеся с судьбой птахи строили свои наивные планы на будущее.

- Да, папанька, - сквозь смех говорил он, - придется вам с женошкой раскошелиться на братиков и сестреночек. Небось, копытца обмывать пригласишь меня? А пока это дело спрыснуть надо, - и он налил счастливому и улыбающемуся отцу в будущем большого и дружного семейства.

На третий день вдалеке дети услышали шум, который, разнесясь по реке, приближался к ним. Через некоторое время они увидели моторную лодку, выскочившую из-за поворота и быстро приближающуюся к ним. В лодке сидели радостные папа и дядя Сережа. Особенно радовался приезжим Штопор - он скулил, подпрыгивал, ласкался.

- Ну как, детишки, не сильно, я смотрю, тут без нас скучали? Поправились, даже мама вас не сразу признает, - весело проговорил дядя Сережа. - А у нас мотор сломался, пока наладили, трое суток прошло. Но мы с папой знали, что вы уже парни взрослые и скулить, как щенки, не станете. Ну а теперь надо собираться, работы на пасеке много, да и за вами машина пришла, домой поедете.

Если назад захотите, так милости просим, можете приезжать.

- Приедем! Приедем! - громко, с радостью прокричали близнецы.

- Боялись мы только за то, чтобы вы сильно не дрались друг с другом, не ругались, - сказал папа.

Те, посмотрев на взрослых и густо покраснев, в ответ серьезно сказали, что больше никогда так плохо делать не будут.

Братья и вправду друг с другом никогда не ругались, а о драке и говорить нечего. Если и подходили моменты, то сразу вспоминали одиночество.

ДОМОВОЙ

Яркое солнышко, теплый с юга ветерок играли с алыми стягами, которыми был украшен в изобилии маленький городок, а ближайшие сопки, окружавшие его, словно отражаясь в нем, кипели в розовых цветах рододендрона Даурского, в простонародье названного багульником. Праздничное настроение витало в воздухе, веселые взрослые и дети в первомайских демонстрациях кричали "Ура!" в честь пролетариев всех стран, которые должны были соединиться, а также в честь родной Коммунистической партии Советского Союза, его Политбюро во главе с генеральным секретарем Л.И. Брежневым.

После демонстрации, как и полагалось, люди, пришедшие домой, продолжали праздновать за столами, уставленными разными яствами, а сытая веселая детвора играла во дворах в прятки, пекаря и чику.

Под игру баянов и гармошек слышались бравые частушки и разногласица песен развеселившегося народа и перекликались со щебетом и свистом неугомонных, особенно в этот момент, птиц, прилетевших из теплых краев.

Как всегда в праздники, рядом с бурным весельем тенью гуляет и зло, и непредвиденные случаи, от которых особенно в эти дни никто не защищен.

Вдруг мирно игравшая в прятки детвора в миг, словно из развороченного пчелиного улья пчелы, пулями вылетела из подвала многоэтажного жилого дома, с воплями и душераздирающими криками. Оизраясь, напуганная, дрожащая от страха ребятня доказывала своим сверстникам, игравшим в другие игры то, что в подвале их дома живет, оказывается, страшный-престрашный домовой, а возможно, и черт с большой рожей и красными, зыркающими по сторонам глазами, черной бороде и уродливыми лапками и даже с хвостиком. Это чудо сидит в темноте оттого, что боится света.

Даже увлеченно игравшие в чику пацаны были озадачены случившимся и, не веря рассказам мелюзги, слушали с интересом, смеясь, а затем даже, бросив играть, решили проверить враки.

Помог им подражавший стилям и куривший свои папиросы "Звездочка" второгодник Владька. В этот праздничный день он уже, как взрослые, правда, тайком от них, выпил полстакана вина и от этого выглядел перед собой особенно героем. И, сплевывая, по-особому, по-блатному, проговорил:

- Мелюзга! Учителка в школе сколь раз говаривала, што не токмо чертей и домовых, а даже бога - и того нет в живых. Вы што, не слыхивали, што религия - это того, есть опиум для человека. В школе написана была, сам читал. Так-то?

И он говорил, поглядывая на детей своими белесыми глазками, поглаживал ежик.

Вельветовый костюмчик его, замусоленный на рукавах от частого вытирания под носом, был застиран и мал. Владька был выше всех и старше, поэтому геройства

ему было не занимать.

- А что такое опиум? - переспросила его всегда любопытная, самая красивая из их двора и почитаемая пацанами Анюта.

Владька, хоть и было ему уже скоро тринадцать лет, но он уже давно поглядывал на девочек, старался быть взрослее и от этого даже курил. И он, поглядев на девочку, покровительственно и как настоящий пацан деловито, с иронией, сквозь губу, небрежно произнес:

- Не знаешь? Так знай!

Это вроде пургена - лекарства таво паршивово. Чем больше таблеток жрешь, тем больше в штаны накладешь. Так што, мелюзга, але за мной, поглядим на вашего вшивого домового! - при этом он, как взрослый, закурил папироску и пошел во главе пацанов.

Идя по темному подвалу,

по которому он, как кошка, пролазил по многу раз, у Владьки почему-то, хоть и геройского парня, сердце стучало так громко, что даже заглушало шум неуверенно идущих за ним ребят. Пропетав по темному подвалу до злополучного места и выйдя из-за поворота, они все разом увидели в темном углу то, от чего остолбенели и с минуту стояли как вкопанные и видели то, от чего их волосы на головах дыбом встали и даже неприятно шевелились, глаза от ужаса были открыты широко и перестали моргать, рты - то ли от ужаса, то ли от интереса - сами по себе были открыты, как у рыб в аквариуме.

Оно смотрело на детей как-то странно своими кровожадными глазами, при этом курлыкало и издавало зловеющий неподражаемый шум. У Владьки хмель, а заодно героизм, мигот переключались в задеревеневшие, ватные ноги. Недокуренная папироска прилипла, как клещ, к его посиневшим от страха губам, ужас, овладевший им и его попутчиками, непроизвольно подтолкнул их к спасительному бегству. С нечленораздельными криками и воплями бравая ватага, перегоняя друг друга, выпулилась из страшного, злополучного подвала.

Лишь под ярким солнышком, переведя дыхание, шокированные пацаны смотрели на Владьку, ожидая от него новых действий. Тот недоуменно почесывал голову. До этого франтовый, модный его вельветовый, со множеством карманов костюм в нескольких местах был порван. Грязная и от этого жирная паутина налипла на фуражку и одежду. От героизма у Владьки не осталось и следа, взгляд - и тот был затравлен и смотрел непонимающе в землю. Он молчал и жадно курил папиросу.

Игравшая до этого в разные игры детвора враз была заинтригована происшедшим и, сбившись в кучу, обсуждала до этого неизвестный феномен. Дети не могли никак понять, как так: в их подвале - и живет домовый. Кому сказать, никто не поверит, а из детей, кто сомневался в этом и еще не видел домового,

почему-то никто не изъявлял желания посмотреть на него.

Вдруг вышедший из подъезда Илья прошел мимо не обратившей сначала на него внимания заинтригованной детворы и, цасистывая мелодию "Прощание с Родиной", направился в подвал, туда, где находилось неизвестное доселе животное. Детвора, не отошедшая от происшедшего, с испугом в один голос прокричала Илье:

- Не ходи туда! Там сидит домовый или еще кто-то, но очень страшный и даже злой!

- Да ну! - проговорил оторопевший мальчуган и поставил ведро.

Обступившая его детвора в мельчайших подробностях, без преувеличения объяснила происходящее. Особенно в доказательствах усердствовал геройский Владыка. Он на своем костюме показал даже порванные клочки, которые, хватаясь, наделало чудовище-домовой.

Сначала обескураженный, а затем, по мере выяснения происходящего, Илья, спросив, где эта абракадабра живет, сказал:

- Вы того все, рехнулись! Там же куры живут. Папка еще вчера вечером вместе с клеткой из деревни привез, я им утром пшеницы сыпал и сейчас иду кормить.

И он, взяв ведро с кормом, как ни в чем не бывало, пошел в подвал. Смелчаки с Владыкой и даже красивая Аня, и та пошла за Ильей. И вот, идя впереди всех по знакомым лабиринтам подвала, Илья спрашивал про домового и о том, где тот точно находится. Но вот, наконец, выйдя к чудовищу, которое впопыхах кровожадно смотрело на детвору, а та впопыхах чуть не дала стрекача лишь оттого, что Илья, как ни в чем не бывало, подошел к нему. И... открыл створки дверок своего курятника. У обомлевших ребятшек, а особенно у Владыки, глаза полезли на лоб. Это он и вся детвора от страха пришили выбитые сучки дверок курятника за глаза домового, а бегающих кур, освещенных электрической лампочкой, - за ожинищие страшные глаза домового. А дальше - и того больше: как говаривают, у страха глаза велики.

Обескураженные увиденным, смелчаки дружно, не озираясь, выходили из подвала, обсуждали пережитое с озорным нескончаемым смехом, подтрунивая при этом друг над другом.

2000 г.

ИЗЮБРИХА

В тот год в одном из районов Дальнего Востока выпал очередной глубокий снег, губительно подействовавший на диких копытных животных, которые до того случая в огромных количествах водилось там. Люди по-разному отнеслись к несчастью, постигшему кабанов, изюбрей и диких коз. Некоторые, презрев общечеловеческие законы, уничтожали животных, приходящих к жилью с целью спасения. Другие вели себя достойно, помня, что сделанное в этот момент добро сохраняет в них человека.

Зима была уже на исходе, но морозы по утрам стояли еще жгучие. Только к обеду яркое солнце, и то в затишье, из снега, что лежал порошкой на темных стволах деревьев, выдавливало плагу и бесцветные капли незаметно скатывались по коротким, маленьким сосулькам и падали в слежавшийся, но еще очень глубокий, отдающий синевой снег, пробивая в нем зализанные углубления.

Не знающие покоя ни летом, ни зимой вездесущие вороны стаями держались

неподалеку от пасеки, каркали, что-то замыслили делать, а может, по-своему делились последними новостями.

Пчеловод с усердием колол дрова, пот обильно стекал по покрасневшему, будто из бани, лицу. Меховая тяжелая тужурка лежала рядом с горой наколотых дров.

В синеве бездонного неба проплывали причудливые облака, временами невидалье, в релке, слышалась дробь неугомонного дятла.

Собаки, наевшись, лежали на завалинке с южной стороны домика и дремали. Постепенно солнце стало скатываться сначала за ближайšie высокие березы и липы, кидая затейливые, узорчатые синие тени на холодный белый снег.

Из низины потянуло морозцем. Пчеловод накинул тужурку и, одобрительно посмотрев на проделанную работу, набрал дров, пошел в избу топить печь. Печь, как живое существо, словно изголодавшись, сразу загудела. Дрова, обжаты пламенем, потрескивая, раскалили плиту, и вот уже и еда, и чай готовы. Радиоприемник, будто одинокий человек, долго не говоривший, но впечатлительный и много знающий, выкладывал все новости. Пчеловод от одиночества включил его, но слушал в пол-уха все подряд, постоянно отвлекаясь по своим делам. Найдя подшивку старых журналов, он заново просматривал их, улегшись поудобнее на кровать. Со стены ему светила лампа, которая заправлена была соляркой и от этого понемногу коптила. Кружка с ароматным чаем постепенно опустела и стояла на столе. И вот уже, незаметно подкравшись, сон сморил человека, и тот, уткнувшись в подушку, безмятежно уснул.

Было очень холодно, когда на востоке солнце, пробив темень, выходило из-за сопки огромным раскаленным овалом. В распадах перемерзшие ключи строили наледь, а выступающая при этом вода парила и под воздействием мороза превращалась в иней, который словно пухом обволакивал деревья, густарники, и они были словно из серебра - сказочными.

По лесу слышалась своеобразная канонада: натянутый от мороза воздух на многие сотни метров отчетливо доносил резкие хлопки. Вокруг деревьев, по особенно лиственным, снег от отколотых морозом сучьев был вспорот.

Собаки, туг скрутившись, попрыгав морды, лежали заиндевевшими, словно кочки, на завалинке и изрядно сквозь сон поскуливали.

Сильный мороз к утру выстудил избу, наделал на стеклах всевозможные узоры, а восходящее ярло придало им яркий оттенок.

Проснувшись, пчеловод лежал в постели и, задумавшись, слушал, как голодная мышь за печью занималась коркой хлеба, и шорох, разносившийся в тиши комнаты, не тревожил его, как и сытого кота, что нежилась на теплой печи.

Керосиновая лампа, не потушенная с вечера, еле заметно светила, при этом выделяла копоть, жирно покрывавшую лопнувшее стекло. Радиоприемник, перестав шипеть, начал вещать передачу "Земля и люди".

А в это время, пугливо озираясь, по склонам сопки, утопая в снегу, пробиралась усталая изюбриха. Она часто останавливалась, прислушивалась к звукам и скрипам, припокивалась к воздуху и шла дальше. Мороз и глубокий снег гнали ее вперед в поисках пищи.

Нехватка кормов, к тому же беременность и одиночество - все это утомило животное.

В то утро, когда она вышла к самой пасеке, строения и голое пространство посреди леса несколько озадачили, но запах сена возле избы обрадовал ее.

"Идти или не идти? Ну, конечно, идти", - подумала она, потому что голод взял верх. Вот она подошла тихо к стогу, в нос ей ударил аромат трав, и она стала

жадно поедать сено из стога, при этом не переставая оглядываться по сторонам, в напряжении держа все тело.

Как вдруг собаки, учув неладное, заливисто залаяв, вмиг бросив свои места, обжав избу и увидев у стога изюбриху, бросились к ней.

Лай и злобное рычание озадачили пчеловода. "Кто бы это мог быть? На людей эти собаки не кидаются - они охотничьи. Неужто шатуны?" - подумал он, быстро одеваясь. Взял двустолку, зарядил ее на крупного зверя и вышел в сени. Затем потихоньку, чтобы не спугнуть зверя, стал открывать дверь, выходящую во двор. И тут он увидел пузатую, беременную изюбриху и в сердцах выругался: "Вот дуреха, какой черт тебя сюда притащил?" Собаки же неистовствовали. Они кидались на животное, но оно парировало их нападения своими копытами и вроде бы даже с ними игралось. Псы лаяли, кидались на изюбриху, сдерживая ее, не давая уйти, при этом смотрели на дверь, вызывая хозяина. Они прекрасно знали, что он этого зверя из рукья вмиг застрелит и они наедятся вкусного мяса.

Сююна у них обильно выделялась, лай от этого был яростный и звонкий - они постоянно звали хозяина: "Иди скорей, соня, убей, мясо само пришло!"

В их лае все это было сказано: любому охотнику понятно без слов.

Пчеловод в чуть приоткрытую дверь видел этот "концерт" и думал, как бы эту худую и пузатую самку от собак забрать, но ничего подходящего не придумал. Он поставил ружье, вышел на крыльцо и позвал к себе собак: "Хмурик! Найда! Ко мне!" Но не тут-то было. Псы, увидев хозяина, обрадовавшись, с визгом бросились снова на животное.

Изюбриха, увидев близко человека, от этого сначала оторопела и даже присела, затем стремглав, прыжками поскакала за дом и угодила в огромный сугроб, ставший западней. Собаки по насту с легкостью настигли животное, впились в него, при этом старались оторвать побольше мяса. Кровь сочилась из прокушенного тела изюбрихи.

Пчеловод кинулся за ними, не раздумывая, с разгону тоже влетел в сугроб. Он силой махом оторвал беснующихся собак от тяжело дышавшего, испуганного, не сопротивляющегося и готового принять смерть животного.

Изюбриха смотрела влажными недоуменными глазами на своего спасителя и собак, тяжело дышала, кровь текла из порванных собаками ран.

Пчеловод, навалившись, подмял под себя псов, а освободившейся рукой слегка постучал по крупу изюбрихи и проговорил с досадой: "Давай, давай отсюда, пока шкуру не сняли с тебя". Она, дрожа всем телом, измученная, встала и потихоньку стала выходить из снежного плена, с испугом и удивлением поглядывая на человека, держащего остервенело рвущихся, словно взбесившихся, попробовавших кровь собак.

Пасечник, крепко держа, потащил их в дом, чтобы закрыть на время, а затем привязать. Изюбриха, обойдя дом и выйдя на дорогу, встала и внимательно смотрела на человека, тащившего собак и ругающего ее: "Какого черта ты встала?" Она, словно поняв человека и больше не испытывая его нервы и ярость собак, рвущихся в ее сторону, тихо пошла прочь с пасеки.

На этом, возможно, инцидент был бы и закончен, но пока хозяин искал ошейники и цепи, что постоянно бывает в спешке, собаки, не успокоившись, выбрали удобный момент, словно сговорившись, ударившись в дверь и выскочив во двор, снова пустились в погоню за тихо вышагивающей по дороге изюбрихой.

Пчеловод, не раздумывая, снова побежал за ними. Неподалеку от пасеки, около наледи, собаки настигли животное, загнав его в сугроб, и давили его там остервенело. Животное, подняв голову к небу, ища последним взглядом солнце, хрипело.

Подоспевший, но уже уставший от бега и борьбы человек с трудом оторвал от полуживого животного разгоряченных псов. Он немного оттащил их от лежавшей в снегу изюбрихи и, отдыхая, держал собак, которые недоумевали, и весь их вид, как из разговора немых, говорил: "Сам мясо любит и ест помногу, а нам кости достаются. А тут вдруг от мяса отказывается. Что с ним случилось, может, того - заболел? Так пусть отпустит нас, мы и без него знаем, что нам делать".

Чуть успокоившись, они стали лаять и вырываться.

Вороны, кружа над ними, были свидетелями этой борьбы и ждали своего часа. Они, каркая, попеременно садились на деревья и, сотрясая их, сыпали белой порошей на пчеловода, держащего собак, на изюбриху, тяжело дышавшую, на поломанный снег, покрытый брызгами крови, словно раскиданной калиной, на наледь, блестящую от солнца, и поднимающийся от них пар снова устремлялся вверх и оседал на деревьях в виде изморози.

Пасечник, немного передохнув, взял покрепче за загривки собак, потащил их прочь от ожившей и вышедшей из сугроба изюбрихи. Придя на пасеку, он привязал собак на свои места, чтобы больше не испытывать судьбу самки. К обеду к нему на пасеку приехал тракторист на тракторе и притащил с ближайшей деяны хлысты на дрова.

Пчеловод, как мог, рассказал о случившемся трактористу. Тот сначала посмеялся над повоявленным Носом, но просьбу его удовлетворил: на тракторе утащил от пасеки за километр стожок сена для матери-изюбрихи.

И как было ему не согласиться с убедительными доводами пасечника, который сказал: "Ну посуди: она пришла ко мне сама, к тому же одна, защиты у нее нет, - и, чуть подумав, продолжил: - А главное - скоро принесет свое потомство в лес, который уже обеднел от этого губительного снега. Что и говорить, даже волки, где живут, там не пакостят. А мы, люди, неужто хуже волков?"

У КОНСУЛА

Вы знаете, что такое очередь? Если вы не знаете, что такое очередь, вам просто не поверят. И тем более вам не поверят, что в той очереди вы не были и, как по мановению волшебной палочки, попали к себе на историческую родину. Да! Да! Вы не смейтесь, все прошло через ту очередь, конечно, кто хотел уехать в Израиль. Это, по-моему, самая запоминающаяся очередь в моей жизни. Что там говорить об очередях за мукой, за хлебом. Да, это было, но когда?! Аж в пятидесятых годах, тогда я была маленькая. Ну и что? Тогда все кушать хотели по привычке, в том числе и я, и мой брат Ленья, который уже уехал туда со своей семьей, и дядя Валера, помните... он был такой... что у него даже, помню, 4 копейки на автобус не выпросишь. А что уже сказать о дяде Изе? Он уже там давно. Мой сын недавно приехал в Израиль, позвонил ему, по трубке взяла, как всегда, его жена Зина, рыжая, в кого она уже такая уродилась, предная. Моему Саше заделала от ворот поворот, гадина. Она стала там уже настоящей еврейкой. А кто мы? В Израиле, говорят, евреи не рождаются, это вам не Россия! Это тут все в нужде и друг к другу ходят, а там нет нужды ходить друг к другу и надоедать. Подумаешь, нужна мне эта рыжая хохотушка, а с дядей Изей я все-таки встречусь, скажу ему все, что о них думаю. Когда они тут жили, то от меня не вылазили, то есть из-за моего стола, вечно облизывались.

Да вот, мы сначала заняли очередь, как раньше за хлебом, когда я еще была маленькая, это было еще глубокой ночью. И что вы думаете, мы были первыми? Ага! А как же! Только 47-ми, а за нами заняли еще больше, аж сто человек. И это, вы думаете, все? А как же, наши соседи тоже едут, и многие едут, и все после нас. Так вот, заняли мы очередь ночью, а сидели и стояли к консулу весь день, вечер и попали к нему только во втором часу ночи со всеми своими документами. А в них написана вся родословная. Мой муж не еврей, но ничего, приедем туда, сделаем ему обрезание, так что все будет абгемахт. Так вот, вошли мы уже к консулу, а там сидят две женщины и принимают документы. Как я поняла, одна из них, что постарше, была консулом, а другая - и другая тоже, одну работу делают и вместе. Так что муж мой, этот русский, уже первый подает свои документы, и ему сразу - шлеп в загранпаспорт и прилепили визу. Я, значит, подаю свои документы. Вы только подумайте! А она, эта, что постарше, эта консулыша, начала ко мне придирается. Говорит, у тебя мама так записана, а там вон, так и что это за имя у папы. Как будто я папе сама имя давала. Мама нас вон сколько понарожала - и все от разных пап. Что ей, этой консулыше, разве докажешь, что после войны мужчин мало было, а детей-то маме хотелось. И меня, и Ленью. А, собственно, кому какое дело? Меня уже всю в дрожь бросило, как вскричала я там у консула: "Вы что со мною делаете? Видите, я еврейка!" И даже заплакала. Говорю, у меня уже там сын с женой и внуком живут, а вы... Про себя думаю: не дай Бог, этому случиться, хуже фашистов, те евреев без документов даже арестовывали. А тут. А она это мне серьезно так и говорит: "Вы мне тут не плачьте, тут многие плачут, а мне подтверждающие документы нужны - и все, что от вас требуется". Я трясусь и быстро выкладываю ей все бумаги, все документы, которые есть. И слава Богу нашла она в этом ворохе еще одну бумажку. И после таких мучений мне поставили визу.

А тут, никогда бы не подумала, и моя дочь, эта сиротинушка, тоже не может пройти этого консула. Чтобы ей уже было, снова эта изва-консулыша вкрадчиво так говорит:

- А она как может быть вашей дочерью?

- Как так?! - вскричала опять я. - Вон у меня сын Саша уже в Израиле, а Сережа учится в еврейской академии и тоже не дурак, и она тоже мой ребенок,

а ее дети - это внуки мои.

А консулыша, такая непонятливая, как ребенок опять говорит: - А почему у нее фамилия вообще другая и тут нигде не фигурирует?

- А... - рассмеялась я, как истеричка, и говорю опять же ей, такой непонятливой:

- Так она у меня же самая старшая и по первому мужу, под его русской фамилией записана, я с ним 20 лет назад развелась, с этим пьяницей проклятым, а вы мне его еще вспоминаете.

- А где документы, подтверждающие, что она - ваша дочь? - опять эта косула уже как устала на меня, как дура какая, как будто и так не видно: она же вылитая я. И такая красивая. А дети ее, мои внуки, просто золото. И вдруг останутся здесь! Меня снова аж в жар бросило, как вскричала я:

- Она что, тут останется?

А эта консулыша, ну кровопийца, чтобы ей было уже, ни в какую, говорит:

- Нет документов, подтверждающих, что это ваша дочь, значит, ищите подтверждающие документы до следующего нашего визита.

Я думаю:

- Ой, да что же это делается? Меня аж в жар бросило, как подумала я, что останется она с внуками здесь мучиться, без работы и денег. Разве когда могла я подумать об этом, что придется уезжать? Я же здесь родилась, тут моя родина, все вроде бы хорошо, а тут перестройка... все потом кувыркком. Нет работы, денег нет даже за квартиру платить, придумали какие-то "детские" для детей и те не платят. Ах, как жалко уезжать, тут и мама, и бабушка Ида похоронены. Кто к ним на могилку ходить будет? Вся родня уехала. А что делать? А эта дочь стоит, как немая, и своими большими глазами, как корова, смотрит. И я не знаю уже, что сказать. Хорошо, что мой муж у меня хоть русский, а умный и вовремя сказал этой тупой консулыше:

- А вы у моей жены в паспорте посмотрите: там, где дети, дочь и должна быть записана.

О, слава уже Всевышнему, уже снова посмотрела и - о... слава Богу, и тоже дочери в загранпаспорте визу поставили. И вот мы уже через месяц самолетом и все улетаем в Израиль.

ПЕУАНСКИЙ КОВЕР

Рядовой Байкин, небольшого роста крепкий, натирал мастикой полы в казарме и не торопился, зная, что, сделав эту непильную работу, ему тут же дадут другую или, в лучшем случае, замполит отправит его в ленинскую комнату переписывать труды любимого вождя.

В помещении окна были открыты, и оно проветривалось. Влажный теплый ветерок с юга шевелил не распустившиеся деревья, стоящие около казармы, словно будил их, шумел в ветвях, как бы приговаривая: "Эй! Соня, распускайтесь! Весна пришла!" Птицы, подзадоривая его, пели на разные голоса. Любовь в воздухе и на земле будоражила все живое.

- Байкин, к телефону! - прокричал, как прокукарекал, дневальный у тубмочки.

Рядовой Байкин поставил надоевшую щетку к кровати и побежал к

дневальному. Тот подал черную массивную трубку взъерошенному, с любопытством смотревшему на него бойцу.

"Кто звонит? Что случилось?" - было написано на недоуменном лице. Держа в потных от волнения руках телефонную трубку, прокричал в нее:

- Рядовой Байкин у телефона.

Из штаба дежурный приказал ему немедленно прибыть к комбату.

Он положил трубку, и тут из каптерки вышел смуглый рослый старшина в надвинутой на самые глаза пилотке и с ехидством спросил, как надсмотрщик:

- Что за шум? Байкин, опять курить направился?

- Товарищ старшина, к комбату вызывают, - на выдохе проговорил он, и испарина пробилась на кончике его курносого носа.

Пилотка, сбитая на затылок, и весь его мешковатый вид не ускользнули от старшины, который стоял, уставившись на него немигающим взглядом.

- Что за выправка? - проговорил он. - Немедленно приведи себя в порядок! - и, повернувшись, он опять ушел к себе в каптерку.

Рядовой Байкин побежал в умывальник, радуясь, что не схлопотал еще одного наряда вне очереди, которым по недоразумению и счет потерял. Там он умылся, почистил сапоги, докурил чинарчик, которым любезно поделился сослуживец, затем заправился и, глянув на себя в зеркало, остался доволен собой.

Вспомнив о звонке, он стремглав выскочил из казармы, побежал в штаб, думая на ходу: "Зачем меня вызывают и еще к комбату? Вроде ничего такого не сделал?.. На то она и служба - для военных она непредсказуема".

В штабе Байкин обратился к дежурному, и тот, напустившись на него, грозно проговорил:

- Иди быстрее, тебя давно подполковник Попов ждет.

Войдя в большой кабинет, он увидел грузного, в кителе со множеством нагряд пожилого подполковника-фронтовика, сидевшего за огромным столом, покрытым темно-зеленым сукном. Письменные массивные приборы, бронзовый бюстик Ленина, разложенные папки, бумаги дополняли рабочую обстановку.

Бати - так звали его между собой солдаты - посмотрел на вошедшего, доложившего и выжидающего, стоящего по стойке "смирно". Комбат без вступления проговорил:

- Мне доложили, что вы призывались из Двуреченска, дом там у вас. Я был недавно в штабе округа, и мне сказали, что в вашем городе на клумбах растут красивые цветы, сорт такой есть по названию Пеуанский ковер. Вы не подумайте, что Перуанский, а именно Пеуанский. Уяснили? Вы солдат толковый. Сможете привезти семена этих цветов, если вам командировку дадим? Уже пора рассадку цветов на клумбы готовить... Как раз если бы вы привезли - вовремя было бы. - И он вопрошающе, с интересом стал смотреть на солдата, стоящего с широко открытыми глазами.

Рядовой Байкин знал, что батю перед его призывом перевели из Германии. И он по тамошнему примеру приказал, чтобы солдаты по территории части наделали множество всевозможных клумб для цветов.

На улице ранняя весна, яркое солнце пригревало и по сосулькам, скатываясь, падали, не переставая, крупные капли. Ударяясь о землю, они создавали убаюкивающую музыку, которая была слышна и в кабинете. Байкин, глянув машинально в окно и не задумываясь, торопливо проговорил:

- Товарищ подполковник, да я в своем городе не только Пеуанский ковер...

Он хотел еще чего-то наобещать, но батя остановил его, проговорив:

- Идите за командировкой. Пять дней вам, думаю, хватит.

И вот рядовой Байкин уже в поезде. Он ехал домой в командировку за цветами.

За цветами он ехал для комбата, а для всех остальных он ехал... Наш герой смотрел в окно и под перестук колес выдумывал фантастические версии своей командировки, которые постоянно сменялись, как увиденное за окном.

Из задумчивого состояния его вывела продавщица, толкавшая по вагону тележку со всякой снедью. Обращаясь к нему, она проговорила мелодичным голосом:

- Чего пожелаете, солдатик? Колбаску, сосиски, курочку, напиток, конфетки?..

Байкин, словно очнувшись и вспомнив, что уже утро и не мешало бы подзаправиться, купил колбасу, которую он почему-то любил с детства и которую тогда ел по великим праздникам. Сосед по купе, видно, ехал далеко и, расположившись, как дома, выкладывал на стол из бездонных сумок еду, при этом проговорил:

- Ты чего, солдат, берешь эту резину? Поберег бы свою мелочь. Подсаживайся ко мне, я тебя угощаю. Далеко едешь?

- Да нет, к вечеру дома буду, - ответил хлебосольному попутчику солдат.

- Ну и хорошо, - он разлил по стаканам коньяк.

- Давай, бери, выпьем за службу. Я тоже в этих местах пять лет тому назад барабанил. Призывался я с Украины, так тут и остался. А сейчас решил домой съездить, в гости. Билет к тому же бесплатный.

Новые друзья за бутылкой нашли общий язык и за разговорами незаметно доехали до

Двуреченск встретил его огнями. Вечер, суета у вагонов и, как всегда, патруль на выходе. Офицер и солдаты с повязками высматривали служивых и, чуть что не так, - к коменданту. А там... Байкин это хорошо знал, поэтому он, чтобы не напороться на этих "друзей", сошел на обратную сторону безлюдного перрона и темными закоулками проследовал к родителям своего друга, которые жили недалеко от вокзала. Он решил переодеться в гражданку друга, пока тот тоже служил. Байкин твердо усвоил, что в форме в городе он, как белая ворона, а по гражданке - свободен. И приносившись к нему никто не будет, проверять подворотнички, не с целлофаном ли подшиты, и так далее.

Родители друга встретили его как родного. А как еще можно встречать защитника Отечества? Свой тоже служит. Расспросы да угощение еще больше развязали язык нашему солдату, и про службу свою он столько рассказал "секретов", и по какому важному делу он прибыл, история о том молчит, видно, забыла.

Затем он собрался домой, свою шинель оставил, одевшись в пальто друга, с шапки снял звездочку и стал как демобилизовавшийся воин. Посмотрев на себя в зеркало, он остался доволен собой. "Патруль теперь не доколуется - и это главное", - подумал он.

Прощавшись с хлебосольными людьми, он поехал домой. "Как там сейчас обрадуются ему! Наверное, дома уже все спят", - думал командированный.

Дом встретил его потушенными огнями. Собака, выскочив из будки, остановилась, злобно рыкнула, но тут же, узнав его, обрадованная, с визгом бросилась под ноги.

От настойчивого стука в дверь проснулись в доме и открылась дверь. Наш солдат предстал перед своими домочадцами во всей своей красе. Отец спросонья, подозрительно уставившись на него, одетого в пальто и солдатскую форму, осуждающе спросил:

- Что, дезертировал?

На что наш герой гордо ответил:

- Я, батя, в секретных войсках служу. А там всякому переодеваться приходится. Вот у меня командировка в наш город сроком на пять дней. Армейские дела... военная тайна. Понимаешь? То-то!

Тут все засуетились, обрадовались. Еще бы, какой нужный оказался в армии их... Да что и гонорить! Что значит, армия! Из оболтусов людей делает, и каких! На столе оказалось все, что надо для встречи.

Утро. Байкин по привычке проснулся рано. Скоро подъем, а голова трещит. "Тыфу ты, да я же дома!". Он встал, включил свет, прошел на кухню. На столе стояла закуска, в бутылке вино. Он налил себе и выпил. Спать ему уже не хотелось, и он стал вспоминать, что вчера вечером болтал. Может, чего лишнего? А впрочем, кому его пьяная болтовня нужна, кроме него самого?

Поднялись родители, братья и сестры, они радовались за брата. "Вот он у нас какой!" - думали они.

Отец спросил:

- Может, помочь чем надо?

Дал денег. Наш герой задерживаться не стал, ему дорога была каждая минута: счет сутками уже шел.

Невеста его уже вышла замуж, так что думы о ней его больше не заботили. Он поехал на юннатскую станцию. Там еще ребенком он занимался кроликами, свинками. А другие дети выращивали цветы. А раз так, то и семена Пеуанского ковра должны быть у них.

Приехав на юннатскую станцию, он пошел к цветоводам. Но там его "обрадовали" - сказали, что такого сорта цветов пока у них нет. Тогда одержимый в своих благородных помыслах Байкин направился к озеленителям города, благо, что их заведение вместе с парниками находилось по пути. Он завернул к парникам и вошел в один из них в надежде достать семена цветов. Там, в теплице, было жарко. Благоухание цветов, как в оазисе, обожгло Байкина. И пока он осматривался, словно из-под земли выросла женщина и строго спросила:

- Как вы здесь очутились?

Служивый ей все объяснил, но она, по-видимому, была замужем, поэтому, злая на мужиков, раскричалась о том, что шляется разные посторонние и сами не знают, чего хотят.

Байкин не ожидал такого поворота, поэтому сделал крутой разворот и пулей вымелся из жары в весеннюю прохладу, думая на ходу: "Бывают на свете еще такие дуры. И кто с ними живет?"

Но солдат не отчаивался. Он знал, что если есть вход в какое-то дурацкое или любое положение, то должен быть и выход.

"Подумаешь, Пеуанский ковер, наберу других. Вот сколько красивых цветов бывает. Правда, георгины брать не буду, их тоншу надо на эти клумбы, а семян, пожалуй, наберу", - и он снова воспринял духом.

Солдатская смекалка и множество знакомых дали свои результаты. К концу командировки у него набралось множество кулечков с семенами. И каких там только не было! Возможно, даже ботанический сад позавидовал бы ему, не говоря уже об озеленителях города.

По прибытии в часть рядовой Байкин, как положено, доложил комбату о том, что семена цветов привез. Батя, обрадовавшись, приказал отстранить его от всех работ и заниматься только рассадой.

Заведующий теплицей - старослужащий солдат из хоззвезда - помог ему насыпать в ящики хорошей земли и посеять семена. Но жизнь бывает с сюрпризами, ждешь одно, а тебе - на! на! Чего ты не видел даже в кошмарном сне. Пока Байкин находился на занятиях, заведующий отомстил ему за то, что он влез в сферу его

работы. Для этого он аккуратно собрал сверху землю с посаженными уже семенами цветов и выкинул ее, зная, что вырастет потом трава. По истечении времени зелень полезла из земли. Байкин радовался, как ребенок. Еще бы, он тоже что-то умеет! Не зря съездил в командировку. Лишь только заведующий знал, что цветочкам каюк - обильная поросль травы радовала его. А потому он ухмылялся, зная, что его теплое местечко до дембеля останется за ним.

Комбат, словно председатель колхоза, утром после построения как-то зашел в теплицу и поинтересовался рассадой. Байкин обстоятельно и, как ему казалось, толково доложил о посадках. Он хорошо помнил, как комбат, напутствуя, говорил: "Цветочки должны быть низкорослыми, стелиться по клумбам, как разноцветным ковром. Мне сказали в штабе округа, Пеуанский ковер так растет."

Байкин, как ему и говорил комбат, набрал семян только низкорослых пород цветов. "А то как же еще? Это и будет его сорт Пеуанского ковра. Поди потом, разберись, когда вырастут красивые цветы", - так думал Байкин, ухаживая за ними.

Но рассада не давала ему покоя, он практически не мог отличить ее от травы. Например, помидоры, укроп, морковь и даже крапиву по ботве он мог отличить от других трав. А тут... "Ну ничего, на клумбах разберусь", - решил тогда неунывающий боец.

Как бы долго не тянулись дни, но и они пролетели незаметно. Вот и настал день высадки рассады на клумбы. В погожий солнечный день комбат приказал командирам рот выделить свободных от службы солдат в помощь Байкину для высадки цветов. Наш герой, как и полагается любому герою, был у всех на виду. Даже сам батя не вмешивался в работу, он стоял на перекрестке - там, откуда вся часть просматривалась, и наблюдал то за работающими на посадке цветов, то высматривал праздно шатающихся. И, увидев таковых, посылал немедленно дежурного по части или любого офицера из свиты, которая его постоянно в такие минуты окружала. Праздно разгуливающие после неубедительного объяснения включались в плодотворную работу по посадке цветов. У комбата были свои заботы, у Байкина - дела. Но на то она и жизнь. Как говорили умудренные: "Кому сметана в чашке, а кому - кость в морду".

Наш герой перепробовал в армии и то и это, но командовать ему еще не приходилось. Вот тут его способности и пригодились. В считанные часы под его умелым руководством высадка рассады была закончена. Как ни странно, но цветы принялись дружно. Клумбы, рыжие от навоза, зазеленели и были сродни окружающим лугам, что тянулись от части к далеким увалам.

Дни между учениями были однообразны. Только праздники их, и то когда не в наряде, скрашивали, и в душе теплился огонек маленькой свободы. А пока Байкин готовился в наряд. Он уже рассказал командиру отделения выученные текст караульной службы и приготовился отдыхать до развода, где повторит этот же текст дежурному по части. Как вдруг, среди бела дня в казарму вошел дневальный и проговорил:

- Рота, подъем! Тревога!

На него никто не обратил внимания. Все подумали, ложная тревога. Байкин один раз днем тоже стоял дневальным, ему из штаба позвонили, чтобы он объявил тревогу. Так он заорал, что даже старослужащие, отслужившие и переслужившие свой срок, получившие документы и уезжающие домой, и те побежали по тревоге, не говоря о других. Потом все шли назад мимо него, с удивлением смотрели, а старослужащие приговаривали: "Ну, молодой, так орешь, дедушек аж напугал! В следующий раз банок схлопочешь". А старшина роты, подошедший к Байкину, проговорил: "Я ца кажу тобі, щоб в строю не пел, так как у тебе слуха нема. Так ты туточки пасть раззинул, у тилихвона!"

Вспоминая это, боец снимал гимнастерку, хорошо помня, что настоящие тревоги обычно приходится на ночь. Как вдруг в помещение роты вбежал разъяренный старшина и заорал, как когда-то Байкин:

- Подъем! Тревога! Вашу мать!

Бойцы в мгновение ока влетели в свои хэбушки, чутко притормозившись в оружейке, схватив автоматы и противогазы, пулями вылетали из казармы и бежали: посыльные - к своим командирам, водители, радиорелейные механики - к своим экипажам. Так начиналась другая жизнь, которая так или иначе проверяла служивых на умение защищать себя и Родину. Экипажи по-быстрому заводили свои машины и выезжали на сборный пункт, где получали боевую задачу и далее ехали по своим точкам, то есть местам дислокации.

Командир экипажа старший лейтенант Сафронов, его зам: старший сержант Парамонов и командир отделения младший сержант Нечухаев ехали в кабинах новеньких боевых машин - "ЗИЛ-157", а старшие и радиорелейные механики - в аппаратной, среди чистоты и уюта.

Колонна машин, выехавшая из части, проследовав по окраине города и поспешно отделяясь, растворилась в дальневосточных сопках, горах и лесах, чтобы затем в эфире соединиться в одну нескончаемую шумную дорогу, проторенную через весь Союз и уходящую во все уголки земного шара.

Экипаж старшего лейтенанта Сафронова был лучшим в батальоне, поэтому ему дали самую дальнюю и трудную дорогу и самую высокую гору. Комбат знал, на кого можно было положиться, и доверял им самые трудные задания. Прибыв на место дислокации, экипаж дружно, не теряя ни секунды, вкрутив в землю анкерные столбы, выставив станцию и выкинув стрелу с двумя полуметровыми параболлами, повернутыми на корреспондентов. Силовая станция, подключенная к аппаратной, прочихавшись, заработала, давая ток аппаратной, а та, мигая неоновыми лампочками, живая, вошла в связь со своими военными подругами.

После стыллой зимы, промозглой и сырой весны начиналось душное приморское лето, которое воины встретили среди пышной растительности, в тени огромных деревьев. Для солдат - рай. Отдежурил на станции - отдыхай, поел - жируй, в кино, на танцы и баньку - пожалуйста. Благо, ближайшая деревня под боком, так что молока, невест было предостаточно.

Но в природе после хорошей погоды наступает ненастье. Лето было уже на исходе, учения неожиданно закончились, и экипажи, как цыгане, снявшись с места, поехали в свою часть.

Байкин, проезжая мимо деревни, грустил, вспоминая свои похождения, оставленные чувства. Ревность и грусть сменялись любопытством к неизведанным далям. Разноцветным ковром цветы усыпали бескрайние поля и луга, от ветра они качались, словно на прощание махали своими необозримыми букетами. Байкин вдруг вспомнил

о своих посадках, подумал: "Красотища же в части должна быть не хуже, чем в дикой природе! Да и земля унавожена, цветы должны всюду ахать!"

Вдруг машины остановились. Решили немного передохнуть, подождают отставших. Все любовались красотами уходящего лета. Старший лейтенант Сафронов, улыбаясь, проговорил:

- После учений я сразу, пока нет занятий, домой в отпуск слетаю. Думаю, что без меня в экипаже будет все нормально. У нас в отпуск еще не все ездили. Не вздумайте пропить или, как Байкин, отчебучить что-нибудь, - улыбаясь, он продолжил: - Зимой, когда я в командировке был, с экипажем на учения вместо меня Антонов ездил. Так ты, Байкин, умудрился ему лапшу на шапку и уши навешать. Он тебе наряды вне очереди до сих пор даже по телефону дает.

И он, всегда подтянутый, сухощавый и стройный, в темно-коричневой чешуе, обутый в хромовые сапоги, был весел. На красном конопатом лице его озорные глаза смотрели на Байкина по-доброму, вопросительно. Его хорошее настроение и заразительный смех подняли всем настроение. Все стали вспоминать похождения Байкина. И как он рассольник с кашей в одном котле умудрился сварить, и когда по ошибке попал и служил в тропосферной станции, и как вместо сока из клена вздумал по незнанию пород деревьев добывать его из липы. Все смеялись от души. Да и не только от походов Байкина, а оттого, что первое место они удержали и двоим из экипажа полагался отпуск. Но вот подошла отставшая машина, и отдохнувшие душой солдаты опять были в пути.

Вдали появились силуэты трубы ТЭЦ, стали приближаться частные домишки. И вот уже по улицам городишка проехали боевые машины, завернув в свою часть, въехали через парадное КПП и далее...

Байкин, глядя в окно, увидел клумбы и ужаснулся. Пилотка и та поднялась над вставшими под ней короткими волосами. Холодный пот ручьем потек по спине. Он увидел, до каких огромных размеров выросла травища, и притом густо, на многочисленных клумбах. "Джунгли! - подумал он. - А где же его цветы?" Невольно и по-хозяйски солдат продолжал размышлять: "Сколько сена, если скосить, пойдет на подстилку хрюшкам на подсобном дворе! На год должно хватить! Тыфу их, дались мне эти хрюшки. Как выбраться из этого дурацкого положения?"

- Байкин, ты о чем задумался? Приехали, закрываем кунг. Быстро строиться на обед. А после обеда - техобслуживание, - тихим голосом проговорил сержант Парамонов.

При разговоре он часто моргал по привычке, когда был рассержен или взволнован.

"Ему-то о чем волноваться? Он вечно святой, на футболе только помешанный. Невеста-красавица его ждет. А тут!"

Подходя к казарме, Байкин увидел, что его рота построилась и по команде старшины направилась в столовую. Он же решил обходным путем пройти к столовой и отобедать у повара-земляка в его комнате отдыха. Когда рота поравнялась с батей на перекрестке, тот приказал старшине остановить ее. Указывая на заросшую травой клумбу, недовольным голосом проговорил:

- Где этот боец-молодец, который вместо цветов насадил черт знает что. Вы только полюбуитесь? Если бы кукуруза в колхозах такая росла, наше животноводство горя не знало бы, всегда было с кормами.

В это самое время Байкин переходил дорогу с тыльной стороны комбата. Старшина и рота, остановленная и повернутая к подполковнику, видели героя и поэтому кто улыбался, а кто и смеялся. Только серьезный старшина с подобострастием сказал:

- Вин Байкин, опять опоздал, в окружную идэ.

Комбат, повернувшись, увидел проштрафившегося и приказал старшине роту на обед вести, а Байкина к себе позвал. Тот бегом подбежал и, за несколько метров перейдя на строевой, подойдя к бате, доложил. Старик, недовольный, обратившись к нему, проговорил:

- Где тут цветы? Я вижу одни сорняки. Заросли какие-то!

- Товарищ подполковник, но цветы просто забила эта трава. Ведь я же на учениях был, да и все там были более двух месяцев, - Байкин, оправдываясь, был уверен, что рассаживал цветы, а не траву.

Этот напор правдивости успокоил батю, и он приказал служивому принести хоть один цветок в свое оправдание.

Байкин с самого края нашел маленький желтый цветочек и, обрадованный, побежал показывать комбату. Тот, удостоверившись в правоте солдата, приказал дежурному по части скосить с клумб всю траву и отвезти ее на свинарник.

ПРАЗНИЧНЫЙ МИЛЛИОН

Это все происходило... как сейчас привыкли называть, до или после.

Так, по правде, скажу до Рождества Христова - за несколько лет. Еду это, значит, в автобусе, он переполнен, а один знакомый и кричит мне:

- У тебя за миллион картину купили, я сейчас в областной газете читал, в той, что в Москве печатают, а к нам через год приходит.

"Неужели?!" - подумал я. - А может, правда? А впрочем... Мало ли что и где пишут в журналах, газетах, на заборах и даже в туалетах. Так что теперь, всему верить?"

Хотя на выставке у меня одна картина есть, я ее под авангард по пьянке намазал, с похмелья утащил. Неужели из жалости ее кто-то прикупил? Если это и вправду так, то теперь мне понятно, почему Буньков и прочие авангардисты жируют - новые велосипеды себе покупают. У них-то берут, оказывается! А я тут с тяжеленным этюдником то на речку, то на гору, то под гору. Этюды мажу, в картины перемазываю - одним словом, валяю. Ну и что же? И эти, так сказать, шедевры не берут... Это за деньги не берут, а как подаришь, то уберут и спасибо забывают на прощание сказать. Что это я нюху распустил? Срочно за миллионом надо бежать, а то в жизни всякое бывает. Как с "МММ" - потом ищи в поле "свободный ветер".

И вот, запыхавшись, влетаю по широкой лестнице на второй этаж, проскакиваю по широкому коридору к музею, туда, где проходит выставка-распродажа картин художников самой единственной области в мире. Открываю дверь так культурненько - на себя, а колокольчик над головой зазвенит, вроде как электрический.

Смотрительница музея как-то внимательно посмотрела на меня и тут из своего кабинета вышел директор и проговорил:

- Что за шум? Почему в шапке, как Витя Южапинов? Это тому везде и всегда холодно и ветер дует в ясную погоду. У него даже на всех картинах с видом Биры - волны, как в ураган какой. Интересный он человек, а вот ты зачем так ворвался?

- Да я за деньгами! За миллионом!!!

И он, удивленно посмотрев на меня, как баран на новые ворота, сказал:

- Какими такими деньгами? Не должен я тебе ничего!

- Как! - вскричал я, как ошпаренный. - А в газете? Там, говорят, сегодня про мой миллион все написано.

И он, недоуменно хмыкнув в свои прокуренные сигаретами усы, проговорил:

- Я еще не читал - некогда. Вон, налей себе пока кофе и успокойся.

Пока я наливал себе горячего кофе, Борис Юрьевич, директор художественного музея, внимательно, как мне показалось, просматривал газету.

- Да, вот нашел, точно миллион! Но ту мазию, как ты говорил, можешь выкинуть. Я отдал Мише Мицарикову, он плакал, что у него картины хорошо расходятся, а писать не на чем. Вот я взял и ему отдал, так что не взъежи.

Не допив горячий кофе, я стремглав бросился в художественную мастерскую, отлавливать большого Мишу, который, явно или косвенно спульнув мою картину, теперь пересчитывает барыши. Чтобы срезать путь, я пошел через рынок. Иду, со всеми знакомыми здороваюсь. Вдруг навстречу мне попадают трое с папками, идут, по сторонам внимательно так смотрят, словно алкаши около винно-водочного. Те вечно опохмелиться у знакомых просят, а этим что надо? Я поздоровался и пошел дальше. Вдруг слышу, из этой троицы знакомый и приятный голосок меня окликает. Я оглянулся, а это Мильман Фридошка, с которой я за одной партой в школе сидел, так ласково ко мне обращалась:

- Гражданин, вы когда с миллиона налог платить собираетесь?

- Чаво? - уставившись, как на приведение, только и мог сказать я.

- Ты же всех нас хорошо знаешь, мы работаем в налоговой инспекции и говорим вам: налоги платить надо.

- Какие? С какого такого еще миллиона? - сначала не поняв, прорычал, как раненый зверь я. Но тут опять нашелся и связал им:

- Налоги, говорите! А как же я их платить буду? Я пчеловод, а с пчел пока налоги не берут. Картину я писал на пасеке, а она относится к духовной разрядке пчеловода. Вы, насколько мне кажется, того: адресом ошиблись. Если вам надо

денег, то художников настоящих трясите. Так что разрешите откланяться. Пока, адью, ну-ка вас ко всем!

И быстро стал ретироваться от непрощенных знакомых, а мне вслед:

- Обязательно зайдите к нам в налоговую инспекцию, и мы с вами обо всем договоримся.

Вконец измученный вниманием общественности, измотанный и издерганный, я припался в художественную мастерскую. И как раз вовремя. По стаканам только разливали вино. Предложили мне:

- На, выпей! За тебя, за твои показатели! Что ты будешь делать с этим миллионом?

Сами хохочут и подают мне первоапрельскую областную газету. А в ней - та статья с миллионом. И написано о том, что какой-то новый русский вытаскил из широченных штанин... И что бы вы думали? А вот никогда не догадаетесь! Правда, так и написано: миллион в деревянной валюте.

Все смеялись, окромя одного. Самый старший и почитаемый из художников рассудительно произнес:

- Ну, что вы смеетесь? Это же хоть и шуточная, но бесплатная ему реклама. У него сейчас все картины новые русские разберут.

- А хрена полную сумку вы не захотели? - усмехаясь, проговорил большой Миша, который, как выяснилось, о картине, то есть о шедевре, узнал только из газеты и продолжал вещать, поглаживая свои усы: - Новым русским картины, то есть подлинники наших художников, так пужны, как налоговый инспектор. Они, как вороны, кидаются на все, что блестит. И главное, чтобы было заграничное дерьмо. Поэтому они и хапают, как ротаны, китайские и корейские репродукции. Что и говорить, если бы не талантище, подался бы и в новые русские - сначала в чепчики. Но кто же за меня писать-то будет?

- А вот и нет, - продолжив разговор, вменялся Мизгальский. - Картины, главное - свои, а не рисованные у других художников, авторские всегда были в цене. А цена не стоит на месте - всегда повышается. Вон иностранцы из России что увозят? Картины, скупая их подешевле, пока наш рубль по милости тугоголовых реформаторов танцует под их дудку. Репродукции взять - хоть сейчас, хоть потом. Они есть репродукции. Помните, как Папандопуло пел: "А пуд, как был, он так и есть - 16 килограммов"? Ну, ничего! Будет время - и наш народ разбогатеет, когда поумнеет, тогда за картины платить будут не деревянными, а миллионами - не "первоапрельскими".

НА РОЖДЕСТВО

Как это нередко бывает в нашей жизни, люди знакомятся в основном по иронии судьбы. Тогда я постоянно ездил в одно и то же время по одному и тому же маршруту и с попутчиками своими визуально был знаком, а с некоторыми уже даже здоровался и беседовал на различные темы.

Среди этого потока пассажиров я невольно обратил свое внимание на молоденькую и веселую студентку, которая всегда щебетала со своими подругами в автобусе и постоянно выходила на остановке, которая находилась около техникума.

Однажды привычный ритм поездок был нарушен: девушка перестала ездить в автобусе, и я невольно обратил внимание, как ее подвозил на шикарной "японке"

какой-то гражданин. Затем через пару месяцев эта же девушка снова стала регулярно ездить на учебу, как и я, в автобусе.

Но изменения в поведении и характере сразу же бросились в глаза. Некогда веселый смех сменился на истеричный - гавкающий, голос огрубел. Некогда милый сердцу взгляд сменился на невидимый, тупой. Словно она была не от мира сего. Одежда, некогда чистая, глаженная, стала словно жеванная, молоденькое лицо осунулось, постарело, и черные круги под глазами и сжатые до искривления губы выдавали невыносимо больного человека. Затем она вообще перестала ездить, и я про нее забыл.

Но вот как-то в маленькой уютной компании я ее встретил и сразу узнал, хотя она повзрослела и изменилась - после той болезни стала еще краше и веселее.

Весь вечер она была душой компании, ее игра на гитаре и задушевные песни приводили всех в восторг.

Как и бывает в таких компаниях, песни сменились разговорами, а вино, развязав языки, плодило такие истории, о которых трезвый человек даже психиатру не заикнется.

Между болтовней, в короткой паузе я, уже познакомившись по-настоящему с бывшей попутницей, спросил ее о тех временах, когда она была студенткой. Девушка от неожиданности словно окаменела, взгляд на какое-то мгновение потупился, но как и бывает в солнечную погоду, когда солнышко на короткое время закрывает тучка, а потом опять сверкает, так и лицо ее снова засветилось, и она рассказала:

- Было это семь лет назад. Я училась в техникуме на первом курсе. У родителей я одна. Мама с папой занимались коммерцией и занимались с размахом. Тряпки не какие-нибудь китайские, а клевые - турецкие, штатовские. Вкованная была. Мафоны, видики у меня у первой в городе, золотом я, как игрушками елка, была обвешана. В деньгах проблем не было, да и нет. Да, тогда я еще с родителями жила, это в том году они мне хату двухкомнатную в престижном районе купили: желают, чтобы поскорей замуж выходила да внуками их одарила. Особенно папа старается, все уши прожужжал, говорит: "Для кого я стараюсь?" Даже маме говорил, хоть бы дочь нагуляла, раз замуж не хочет. Чей бы бычок ни прыгал, а теленочек наш будет. Папа - он грубый, что-нибудь как скажет, хоть стой, хоть падай.

Так вот, тогда, по молодости, глупая была до предела, да еще родители с утра до вечера со своими делами. Ох, пужна я им была. Нии были влюблены в барахло, как моль!.. Да и что о них гонорить, люблю я их, им было тогда не до меня.

Так вот, закружила меня эта веселая жизнь, всему была рада, не поверите, с такими мальчиками так, бывало, нацелуешься! Все в любовь игралась. Да, такие мальчики были...

А судьба меня связала с крутым опытным мужиком, который чуть всю жизнь мне не исковеркал. А случилось все это на Рождество. Мы хорошо отдыхали в компании, у одного парня с нашего курса. Родители его - тоже коммерсанты - были в отъезде, и мы собирались своей толпой отмечать праздник. Вино, конопля, музон - и мы тащились, кто как мог. Было весело, и никто никуда не торопился. Как вдруг мафон - это китайское дерьмо - в разгар веселья сломался. Мой папан стал его налаживать. А я с подружкой решила съездить к себе домой за своим магнитофоном. Когда мы вышли на остановку и стали ждать автобус, в праздники они ходили редко и было поздно, а тут и тачки куда-то все подевались, и мороз. Мы замерзли, трясемся. Вдруг подкатила к нам черная "японка" и этот козел нас пригласил в машину. Ну мы, естественно, обрадовались: еще бы, попали в такой шикарный лимузин! "Японки" тогда были в диковинку. Хозяин на редкость был приветлив, угостил шикарными сигаретами, о деньгах - только мы заикнулись -

и слушать не захотел. Включил клеветную музыку, и мы незаметно доехали до моей фатеры. Я от счастья как на крыльях слетала за мафоном, и мы, кружась по городу, подъехали к дому, где веселились наши друзья. Водитель, что и сказать, был вкован что надо: опрятный, веселый, а главное - богатый и к тому же он сказал, что холостой, поэтому, когда он пригласил меня с ним покататься, я согласилась, хотя по возрасту он был намного старше меня. Немного покружив по улицам, мы укатили за город, на сопку любви. Мой новоявленный ухажер забил для начала пяточку, и под классный музон мы с ним целовались - и только. Потом отвез он меня домой, и я тогда, дура, была на седьмом небе от счастья.

На следующий день мы снова встретились и опять катались по заснеженным и холодным улицам любимого города, а потом отметились на любимой сопке любви. Он забивал пяточку, и мы с ним ловили кайф, и были близки друг

к другу, как очень влюбленные, но я была еще девочка и особенной близости боялась. Хотя он и прошарил все потаенные места, но большего добиться не смог тогда. Потом прошло еще два дня. Он, кстати, в то время был джентльменом: за мной по утрам заезжал и отвозил на занятия. Когда я заканчивала учиться, он меня уже ждал, как верный пес. Знал, гад, как девушку окрутить. Итак, дней пять после знакомства мы снова покрутились по городу, я уже ждала от него все большего для себя внимания и любви. Поэтому когда мы вновь приехали на сопку любви, то мы как потащились от пяточки - кайф был что надо! Моего, того козла, растащило на большее, и он умело снял с меня колготки и прочее, а затем пристраивался. Короче, я хотела, но у него ничего не получалось. После непродолжительного такого упражнения он достал шприц и предложил мне более эффективный кайф. Тогда я была как дура и не знала, чего хочу, и согласилась. После укольчика пошли такие таски, я была точно в раю! В таком состоянии этот гад хотя и разложил меня, как хотел, но ничего не смог поделать: был словно импотент. Всю меня словно измочалил, но под воздействием укольчика все его старания были мне пофигу. На следующий день на занятиях я с нетерпением ждала его. И только увидев его "японку", в момент оказалась и пей, и мы, стрелой вылетев за город, оказались на сопке любви. А там - долгожданный укольчик и как во сне, прощай девственность со старым и противным козлом. Я тогда не понимала, в какое дерьмо ввергла себя и свою судьбу. Я жила тогда только иглой и его утехами с моим телом, с которым он обращался по-скотски. У меня при притупленном сознании никаких эмоций отрицательных в обращении не возникало. Стыд, присущий нормальному человеку, под воздействием иглы испарился, душа летала, а тело стонало. Такая жизнь продолжалась недолго. Тот козел, посадивший меня на иглу и севший на нее сам, заметно терял здоровье.

Это потом уже, когда я была с настоящими мужчинами - чего таить, и постарше его, но не наркоманами - имела такие удовольствия...

Так вот, я, глупая, возомнила себя хозяйкой этой тачки, невестой этого ублюдка, до которого у меня еще никого не было, и мечтала о той жизни, которую навязывал моему больному мозгу кайф. И так, сидя в "японке", я от безделья стала шариться по салону и нашла его документы. Что тут со мной стало! Оказалось, что он женат и у него есть дети. На фото они выглядели такими красивыми и счастливыми. Мне стало не по себе. И когда он пришел, я ему закатила такую истерику, что он перетрусил, этот гнусный баран. Я была вне себя. Он меня успокаивал как мог, я рыдала всю дорогу до сопки любви. Там он меня накачал наркотиками, и мы с ним тогда на прощание отдохнули после двух месяцев - в последний раз. На прощание он мне дал машину и ампулы и сказал: "Когда это кончится, обратись к друзьям по этому адресу", - и положил свернутый листок мне в карман.

На следующий день он не приехал, хотя я его так ждала. Я простила бы ему все - и жену, и его обман. Но он, как потом оказалось, даже ни разу не показал, где живет. Я не знала даже, где искать его. Учеба моя покатила и свелась на нет. Мозгом моим и всему телу постоянно требовался кайф. И пока в моей машине шприц доставал наркушу, я жила. Но в одно весеннее утро у меня кончился запас и в пустую машину нечего было набрать. Я, взяв с собой деньги и под воздействием сумасшедших ломок, поймала тачку и поехала по адресу, любезно оставленному тем типом. Поселок находился за переездом, поезда один за другим тащились и не давали нам проехать. Это не сейчас, когда один в сутки пройдет - и все. Так вот, наконец, открыли переезд, я доехала до долгожданного места. Дом, указанный в адресе, был построен давно. Из красных кирпичных труб дувший с севера пронизывающий ветер гнал дым на центр города. Я сказала таксисту, чтобы подождал. Быстро выскочив из тачки, побежала по адресу. Войдя в подъезд двухэтажного дома, я по шаткой скрипучей и загаженной лестнице поднималась на второй этаж и постучала в дверь, указанную в адресе.

Дверь долго не открывалась. Но затем я услышала шаркающие шаги и голос, словно из подземелья, мне ответил: "Кого надо?" Я сказала, что от такого-то, мне сразу же открыли. Боже ты мой! Вы такого уродца еще не видели: волосы не мыты, рожа грязная, глаза и рот по краям, словно гноем, слюнями смазаны, сам худой - Кошей бы ему позавидовал, и к тому же вонял каким-то трупным запахом. Я сама от ломок изнемогаю, боль сумасшедшая, одышка - не приведи Господь так мучиться. Я ему сую деньги: мол, удели пачку, душа и тело все ломает.

И она, затаившись сигаретой, посмотрев на слушателей, улыбнувшись какой-то грустной улыбкой, продолжила:

- С похмелья болезнь - это укус комара по сравнению с отходами после наркотиков: так ломает суставы, болят кости, в голове мозги требуют, душа-предательница заставляет на такие унижения идти ради того, чтобы уколоться.

И вот я в таком состоянии перед этой мерзостью стою и торгуюсь, унижаюсь. А он говорит: "Ты должна без денег нам теперь давать". И открыл штору в другую комнату, где на грязном полу валялись голые, в чем мать родила, девушки. Некоторые из них истязались с такими же отупевшими мужиками и пацанами, словно лягушки в грязной канаве.

От такого кошмарного вида меня еще более затрясло, и я мигом, не помня себя, с ужасом, обувшим меня, выскочила на улицу и, влетев в такси, уехала домой. Дома я себе не находила места и, закрывшись в своей комнате, сутками болела и изнемогала так, что, когда приехали родители из круиза, они меня не узнали.

Так перепугались! За меня, за мое здоровье. Но постепенно я вылечилась, а тот кошмар, в котором я побывала, в воспоминаниях остался на всю жизнь. И когда во сне приснится тот ужас, я просыпаюсь, как мышь, мокрая. Теперь даже вроде безобидная конопелька, которую покуривали еще там, в колхозе, куда нас посылали из техникума, стала для меня врагом, предателем, открывающим дорогу в ад на земле.

Многие мои подруги, которые когда-то со мной по глупости начинали ею увлекаться и бросили, живут теперь, как правило, хорошо. Да вот недавно встретила с бывшей подругой, такой раньше боевой девчонкой. Мы с ней в техникуме учились на первом курсе, потом наши дороги разошлись. Стоим, разговариваем, о том о сем болтаем. Между болтовней спрашиваю ее: "Балуешься травкой?" Та мне ответила: "С мужем на пару". Подошедший ее мужлан с тараканьими усами на тощем мертвецком лице с ничего не выражающими оловянными глазами просланивал на нее такими матами - у меня аж уши повяли. И она, запуганная, как побитая овца, засемила за ним. Он, этот тщедушный, при помощи паркоты взял верх над такой красивой и молодой девчонкой.

Я вспомнила Рождество и те унижения, которые, к счастью, остались там, в той жизни. Да, кстати, видела я того идиота, что посадил меня на иглу. Он оказался козлом когченным, вылавливал девочек из богатых семей, садил их на иглу, а потом через подставных своих таких же дружков выколачивал деньги и все то, что имело ценность. Таким образом, промысел его процветал, как говорят, до поры до времени. Нарвался он на дочку, еще глупенькую, одного крутого-прекрутого. Так же, как и меня, охмурил ее. Когда ее папе сказали, тот навел справки. Узнав всю подноготную, он сделал этому типу хорошо, когда приехал к нему прямо на фатеру. Ему устроили такую пытку, что он пожалел, что не попал за свои проделки к ментам. Его били, били, а потом даже порвали задницу и выбили глаза. Соседи, когда были понатыми, видели, как они болтались, словно у распотрошенной куклы. Недавно, кстати, я его видела, как из поликлиники выводила его, слепшарого, в черных очках, молоденькая девочка-санитарочка, ухаживала за ним, старалась, чтобы он, слепой, не брякнулся с лестницы.

Его, гада, надо было добить, он даже калек своим присутствием в жизни - и тех позорит. Наверное, врет всем, что в Афгане ему глаза душманы повыбивали. Мой папаша так говорит: сделал на земле кому плохо, своей шкурой расплачиваться будешь на ней, душой - там, перед Богом, и главное - не отвертись, как выюн на сковородке.

1998 г.

СКАЗКА

МИЛА

Пчелка, только появившись на свет, сразу была накормлена вкусным и сладким медом, который ей приготовили очень заботливые няни. Они в маленькой пчелке души не чаяли. Была она очень пушистенькая и красивенькая, и миленькая - премиленская, поэтому звали ее Милой. Как все маленькие дети, Мила сначала играла, но в свои пчелиные игры, которые ее приучали к труду. Особенно нравилось пчелке до зеркального блеска начищать восковые ячейки для продуктов: нектара, меда, цветочной пыльцы, перги и воды.

Прилетающие с нектаром и пыльцой взрослые пчелы танцевали и пели

восторженные песенки, в которых говорилось, где и с каких цветов они собирали урожай. В этот день они танцевали и пели такую песенку:

Там, за реченькой, малинка, малинка цветет!

А нектар из цветочков так и льет, так и льет!

Затем они быстро заполняли принесенным нектаром очищенные Милочкой ячейки и давали ей в награду большую горсть вкусной-вкусной витаминной пыльцы. И вновь отправлялись за взятком. При этом они торопились до заката солнышка или до проливного дождя собрать весь сладкий урожай с малинки, пока та цвела.

У веселых Милочкиных сестричек было в запасе множество песенок и танцев для каждого цветка. Под эти песенки Мила, играя, чистила и другие восковые ячейки. Туда пчелиная мама, такая добрая и такая красавица, откладывала яички. Из них сначала вырастали личинки, которые превращались в куколки, а те - в молоденьких пчелок и трутней, Милочкиных сестреночек и братишек.

Незаметно повзрослевшая Мила уже сама нянчилась и ухаживала, как когда-то за ней, за младшенькими, ну такими пушистенькими и пригожевенькими ляляпулечками.

Так, в работах и заботах жила Мила счастливо и готовилась к главному взятку с липы. Вся пчелиная семья ждала этого момента. Для этого в своем дупле пчелы строили и строили все новые и новые соты под главный мед.

И вот зацвела липа. Какие тут закружились хороводы! Такого праздника Милочка не видела никогда. Она со своими сестренками летала в благоухающие цветы и пела и танцевала так, что гул стоял в кронах цветущих лип такой, что даже птиц не слышно было.

Мед с липы был самый полезный, самый вкусный, а главное - его было много заготовлено на долгую зиму. Все веселились. Но неожиданно откуда-то ветерок стал доносить запах дыма. Пчелы знали: будет лесной пожар, они все погибнут и ничего их не спасет, их дом, хоть и находящийся высоко на дереве. Милочка и ее дружная семья заводились, а мама, такая хорошая, так переживала за своих деток, что сразу похудела. Она даже перестала откладывать яички. Все пчелы стали запасаться медом в дальнюю дорогу... Мила, переживая за будущее, тоже запасалась медом, чтобы на новом месте поделиться со слабыми, старенькими и маленькими пчелками, ее сестренками и братишками. И вот из-за соседних сопков показались столбы огня, Милочкина семья собралась в рой и полетела от пожара подальше. Как далеко они улетели, никто из них не знал, уставшие, они на ночь уселись на дерево. Наутро Милочка и ее несколько сестреночек полетели на разведку - искать новый дом для жилья. Они облетали множество дупел, и Милочке попалось одно просторное, сухое, и она, радостная, полетела к рою. И вот только новоселы стали обживать свой новый дом, как снова потянуло дымом: горела тайга и на новом месте. Встревоженные пчелы, спасаясь, опять полетели

от пожара туда, где не горело, но и там, куда они летели, тоже горело. Измученные, они сели на дерево, чтобы посоветоваться, куда лететь дальше. И вдруг сильный порыв ветра принес дождевые тучи; ливень был такой сильный, что загла разбушевавшийся пожар.

Когда наступило утро, пчелы были мокрые и голодные. И вновь Мила со своими сестрицами отправилась на разведку в поисках нектара. Летая на новом месте, она видела выжженные лесным пожаром высокие деревья, обугленные от корня до макушки. "Неужели всей семьей придется погибнуть голодной смертью?" - думала Милочка. Но вот что-то знакомое в ландшафте этого места привлекло ее внимание. И, не веря своим глазам, она вдруг узнала свое бывшее могучее обгоревшее дерево, дом. Мила, радостно жуужка, влетела в свое дупло, а там было все целехонько, огонь не успел сожрать ее дом.

Насытившись, Милочка набрала с собой меда для своих голодных сестричек и братишек и поспешила с радостной вестью к своему рою. Возвращаясь, она еще издали услышала плач своей родненькой семьи, и это придало ей силы, и она, хоть и уставшая, прилетела к своей маме, сестричкам и братишкам.

Какое же было веселье, когда пчелки узнали о своем спасении! Они, сразу перестав плакать, засобирались домой, туда, где было спасение. И пока они летели вслед за Милочкой, не переставали восхищаться ею и пели в ее честь благодарные песни.

Однообразные дни потянулись после пожарища. Соседи - муравьи, что жили под деревом в своем большом муравейнике, сгорели! Не стало соседки белочки и птиц, и даже дятел перестал стучать и будить по утрам. А тут пошел дождь, на смену им снега завьюжили. Пчелки, успокоившись в своем доме, стали зимовать, весну-красну ждать.

После холодной-прехолодной зимы, наконец, потеплело. Деревья, которые обгорели, но не сгорели, стали набирать почки, выпускать смолистые листочки. К всеобщему пчелиному ликованию, их дерево, их липа, в которой они жили, тоже выбросила листочки. А соседние кедровые с некогда смолистыми шишками, которые кормили множество обитателей леса, стояли черные.

В один из весенних дней Мила со своими сестрицами полетела за нектаром далеко-далеко, к речке, на берегах которой цвели вербы. Перелетая с одной вербочки на другую и запасаясь пылью и нектаром, довольная Мила пела свою пчелиную песенку. И вдруг ее обдало запахом дыма. Она сразу же забеспокоилась и полетела разведать, откуда взялся этот дым? Подлетев к берегу речки, она увидела мальчишек и девчонок, которые пришли на экскурсию вместе с учительницей.

Дети бегали, играли и смеялись. Мальчишки, лазая по деревьям, ломали вербы. Девочки делали из них огромные букеты, часть их тут же бросали под ноги. Но вот за кустами Мила увидела ребят, спрятавшихся от учительницы: они учились курить. Глупые дети курили и кашляли, подражая взрослым, не задумываясь о том, что на всю последующую жизнь обзаводятся вредной привычкой, от которой рано стареют и рано умирают люди.

И вот один мальчик, накурившись, захотел поджечь траву, которая росла по бескрайнему болоту. Он не понимал, что сухая трава этого болота была домом для множества животных и птиц, она, как воздух, соединялась с лесами, в которых произрастали ягоды, грибы и орехи, а от пожаров все они гибли. Старая трава болот, спадая с кочек в воду озер и речек, плодила множество инфузорий-туфелек и других простейших и кормила мальков рыбы и всевозможных лягушек-квакушек. Выгоревшая же трава могла принести лишь один вред. Ведь зола, оставшаяся после пожаров, выделяет лишь ядовитые соли и щелочь, губительные для рыб и даже раков. Мила хоть и не училась в школе, но она хорошо знала, что непременно

надо делать, чтобы остановить глупого мальчишку.

И вот она, крикнув на прощание своим сестрицам, чтобы те помнили ее, бросилась на поджигателя, и пока тот чиркал спичкой, чтобы поджечь траву, пчелка с налету воцпила свое жало прямо ему в нос, а сама, в агонии отлетев немного, замертво упала в траву. Мальчишка от боли в испуге заорал, как милицейская сирена. Оба глаза у него запылились, и учительница, испугавшись, собрала детей и увела домой.

Прошло много времени, но пчелки помнили свою Милу, свою любовь и свою спасительницу.

И вот в один прекрасный день родилась другая маленькая пчелка, такая красивая, такая миленькая, и ей в честь погибшей сестрицы дали имя Мила. Если вы любите сладкий-пресладкий и полезный мед, то помните: этот мед собирали для вас Мила и ее многочисленные и трудолюбивые сестрички.

1999 г.

КАЕНОВЫЙ СОК

На самой большой сопке, на ее макушке, расположилась военная радиостанция. Огромные ажурные антенны, опутанные кабелями, словно нитями, соединялись с аппаратными и силовыми установками, размещенными, как и казарма, со столовой в добротных кирпичных постройках.

Ветерок и солнце подсушивали оттаявшую от снега землю, по опушкам зазеленели и зацвели подснежники, деревья, набирая живительную влагу, постепенно одевались в зеленый наряд; облака, словно модницы, по несколько раз на день меняющие наряды, степенно курсировали по небу. Разногласица птиц, сливаясь в единую весеннюю музыку, временами перекрывала шум работающей радиостанции.

Из раскрытого окна аппаратной мигающие разноцветные лампочки на блоках казались новогодними елочными гирляндами. Беспородные, но преданные своим хозяевам собаки, которых всегда много в разных воинских частях, лениво нежались на солнышке, повернув носы в сторону, откуда доносился удивительный аромат смеси солдатского борща с живительными таежными запахами.

Солдаты и сержанты занимались своими обычными делами: одни дежурили, другие отдыхали, кто-то ушел в село, лежащее у подножия горы, на которой находилась военная, а потому секретная, радиостанция.

Командир радиостанции - лейтенант, вчерашний выпускник военного училища, недавно женился на одной из местных красавиц и больше находился дома, в деревне, возле молодой жены. На "точку" - так в народе называли станцию - приходил ежедневно ненадолго, с проверкой. Свои полномочия передоверил "дедам" - парням бывалым, классным специалистам, отлично знающим свое дело. Старослужащие солдаты готовились к "дембелю". Многие из них уже успели обзавестись семьями в этой таежной и богатой деревне, породнились меж собой и были, как и полагается в таких случаях, не только сослуживцами, но и кумовьями, сватами, свояками. Эти на смену ходили отдохнуть от домашних работ по хозяйству, возложенных на них любимыми и еще ядреными тещами. Молодым солдатам, прибывающим из учебных подразделений, все было искренне рады, и отношения к ним на "точке" складывались по-доброму благожелательные. Тут все были на равных. Вот только по неписаному закону этой "малой земли" - так называли "точку" остряки в честь одноименной "книжки" генсека Л.И.Брежневца - им пока сразу жениться не разрешалось, так как кому-то же надо нести службу на столь важном военном объекте. Хотя изредка молодежи устраивали выход в деревню для ознакомления - на танцы, в кино.

Двое молодых солдат из последнего пополнения уже пообвыкались на радиостанции. Один из них, молчаливый, спокойный, отапливаемый радиомеханик, как-то незаметно вошел в коллектив, а другой... О нем стоит рассказать отдельно. Небольшого росточка, непоседливый "жизчик", о таких говорят: от скуки на все руки. Короткий жесткий ежик на круглой голове торчал во все стороны, пилотка чудом держалась на затылке, а глаза на бронзовом от загара лице так и стреляли во стороны. Его хэбэшка, к концу дня вбирающая в себя столько грязи, словно ее постоянно протаскивали через печную трубу, от частой стирки совсем утратила свой первоначальный цвет и выделяла его в строю солдат: он был как белая ворона. Он всегда находил себе работу и выполнял ее увлеченно, с заданным умением.

Вот и в этот солнечный день взбрело в голову нашему герою приготовить впрок соку, да не березового, а кленового, вкусного такого, каким намеренно угощала его прекрасная дивчина из деревни. Этой мыслью он поделился со своим другом Костей Лешуковым, с которым недавно прибыл из учебки. (Тот был не прост. Особого восторга очередная затея этого непоседы Байкина ему не доставила, но отказаться он не мог.) Вооружившись всем необходимым для сбора сока, друзья, не откладывая на потом, пустились в путь. За ними увязались дреманинские доселе на солнце собачонки, только старый Рекс остался лежать около кухни, смотря на мир умными глазами.

Дорога, извиваясь, шла промеж огромных кедров, по стволам которых бежали шустрые поползны, словно футболисты по полю, лихо склевывали пайденного червячка, не обращая никакого внимания на путников. Дятла, издали похожий на молоток, в сухой елке выбивал клювом свою вечную песню, временами смолкал и прислушивался к чему-то. Байкин, глядя на дятла, вывел свою теорию и тут же стал развивать ее перед молчуном Костей.

- Смотри, какой хитрец, на стук выманивает. Древесные черви ужас как стуча боятся, от стука у них голова болит и они лезут из дерева, как полоумные, а дятла же дурак - их тут же, любопытных, и склевывает...

За разговорами не заметили, как вышли на прямую дорогу, вдоль которой расступались в обе стороны огромные деревья, и ярусами спускались с горы, открывая великолепную панораму. Внизу, как на ладони, лежала деревня, прямоугольными улицами выходя к реке, изменившейся среди долины, уходящей в бесконечную даль. Собаки, бегущие впереди, спугнули какого-то зверя, и он, ломая кусты, помчался прочь от дороги. Трещотки-сороки спугнули белку-летягу

и та, словно заправский парашютист, изящно спланировала с горы на спускающиеся веером деревья.

Добытчики кленового сока, пройдя еще километр, вышли к студеному ручью, пересекающему дорогу, напились вкусной, ломящей зубы воды и, "навитаминившись" сочной черемшой, густо растущей вдоль склона, отправились дальше. Пройдя немного, увидели у дороги деревья с набухшими почками.

- Вот и пришли, - радостно потирая руки, проговорил Байкин. - Хорошо, что листва не пробилась: сок берут только с нераспустившихся деревьев. Смотри, Лешуков, сколько здесь кленов растет - целая плантация! Соку много заготовим и пить будем вместо воды. Утром вместо физзарядки прыг-прыг сюда, набрал соку в ведерко, принес на точку и сам в флаги. Ох и поработать придется, флаги-то пустых сколько на станции валяется. Ты не ухмыляйся! Знай, сок березовый и с клена - не хуже, чем с яблок или винограда. А по своим целебным свойствам даже превосходят их. К примеру, сок березовый если сочтется из-под коры, то там нарост целебный получается, чагой зовется, который лечит от всех болезней: и от сердца здорово помогает, не говори

о том, что почки, печень и желудок напрочь вылечивает. Да, кстати, до армии я гостил у одного пчеловода. Так вот он, понимаешь, угощал всех самодельным вином, изготовленным из березового сока, куда там шампанскому! А квас какой резкий, кислый, в самую жару жажду здорово утолял, не чета всем там кока-колам или лимонадам! Понял?

- А где ты кока-колу-то пил? - спросил дотошный Костя, глядя на Байкина с неподдельным интересом.

- В Москве, в Москве! А где же еще? Я там в гостях был. Так вот в ВДНХ, там и продавали в маленьких чашках, только узеньких. Ты что, мне не веришь? Вот наделаем квасу, попьешь, потом домой поедешь через Москву, попробуешь кока-колу и сравнишь то заграничное пойло с нашим целебным напитком.

Костя опять поморщился и тихо произнес:

- Так зачем нам нужен кленовый сок, когда берез вполне хватает? И они, как ты уже говорил, дают целебный сок.

- Да с клена сок слаще! Пойми ты, наконец-то, меня. А целебность такая же.

И он, уставший доказывать, как говорится, прописные истины, деловито огляделся вокруг, вытащил из-за ремня топор, ногтем провел по лезвию, проверяя остроту жала.

- Как ты клен-то узнаешь, листьев нет на деревьях? - подслеповато цурился, с любопытством ребенка снова спросил его Костя, протиравший стекла очков.

- А что мне лист? - с досады сплюнул под ноги Байкин. - Я же с Дальнего

Востока и растительность знаю, как свои пять пальцев. У нас в городском парке, если хочешь знать, вся тайга собрана, как в дендрарии, ну точно как тут. О чем базарить? Да я с завязанными глазами на клен укажу! Вот, видишь то дерево? Это и есть клен.

И, уверенный в своих познаниях, помахивая топором, Байкин направился к дереву. Сраженный знаниями коренного дальневосточника, Костя двинулся за другом. Байкин с мастерством и усердием, присущим только ему, стал вырубать на дереве борозды для стока. Желоб уже был готов, но соку почему-то не было. Байкин вырубил еще несколько кленов, белые влажные щепки разлетались в разные стороны.

- Да-а-а! - вытирая пот со лба и удивленно глядя на свою работу, проговорил Байкин. - Наверное, рано еще, не оттаяло как следует. Через пару деньков придем и наберем сколько надо, а сейчас пора на станцию, обед уже готов. Смотри, наши жинные барометры уже хвосты накрутили на дом.

Собаки и впрямь гуськом потихоньку двинулись в сторону точки. Друзья собрали инструмент и пошли на радиостанцию.

Отобедав наваристого борща и аппетитной солдатской каши, работники отправились на покой - "мертвый час" на "малой земле" соблюдался неукоснительно. Послепобуденный сон тут же сморил служивых.

Разбудил их громкий голос лейтенанта.

- Не могу понять, какому балбесу издумалось там, внизу, за ручьем, всю липу порубить? - по всей казарме из коптерки с возмущением гремел командирский голос. - Так испортить деревья!.. Увидели бы пчеловоды, они бы этого болвана голой задницей в улей посадили бы, чтобы впредь знал, как пакостить. Это, случаем, не наши ли орлы каучук или еще какую хреновину заготавливать собирались, как паузасы, а может быть, захотели набрать липового соку, ну, прямо чтобы мед так и лил из древесины?

- Ну что вы! Наши ребята на это не пойдут, народ у нас неглупый. Вон бачки под березами стоят. Сок рядом собираем, а в даль такую тащить нет смысла, - прокашлявшись, вступился за служивых старшина. - А может, из геологов кто? Они тут с ранней весны шарахаются, что-то ищут. Вдруг кто-то из их бичей липу с черной березой перепутал. Недавно они к нам на станцию в гости заходили, уж очень им понравилось, как мы их соком с вон той черной березы потчевали...

Лейтенант успокоился и приказал всех, кто от дежурства свободен, отправить вниз: пусть подлечат деревья, краской замажут и шины наложат на эти раны, а то смотреть на деревья жалко.

- Да вот сейчас молодые поднимутся, я их и отправлю, - с готовностью доложил старшина.

Лейтенант немного подумал и сказал:

- А пополнение-то у нас - что надо! Толковые подобрался ребята.

Байкин, давно проснувшийся от зычного командирского голоса, пыхтел и потел от стыда под одеялом, а последние слова лейтенанта вообще ввели его в краску. На соседней койке, красный, как опаренный рак, уткнувшись в подушку, гоготал Костя. Байкин с досадой знаками приказывал ему замолчать. Но все было бесполезно. Махнув рукой, Байкин поднялся, умылся холодной водой и был готов к новым делам.

1987 г.

НАЖИВКА

Он появился на семейном горизонте внезапно. Впервые, когда влюбленные, увидев новоявленного соседа, проходящего мимо их дачного домика, рассматривая его лицо, видели, что оно было морщинисто, будто сушеная груша. Худобу и сутулость подчеркивал спортивный костюм.

Жена глядела на затрапезного, небольшого росточком человечка скептически и с иронией проговорила:

- Бедный, худой и бледный, а зиму пережил, сроду на таких бабы не кидаются, и этот, видно, один живет.

Она, высокая, молодая для своих тридцати годов женщина, сбрасывая с себя утреннюю истому, потянулась, зевнула, с озорством поглядела на своего муженька и чмокнула его в щеку. День начинался с любви, а это говорило о том, что он должен быть удачным.

- Вася, я поседу домой, проверю уроки у детей. А то весна на них так влияет... Я приеду не скоро, мне и постирать надо, так что побудешь один, любимый. У тебя работы не много, справишься и без меня.

Василий, оставшись один на даче, с азартом принялся за работу, которую не заметил, как сделал. Стал отдыхать, наслаждаясь неугомонными трелями птиц, подставляя лицо солнышку, которое с большим удовольствием метило его покрасневшими веснушками. А голубизна небес отражалась в его добрых задумчивых глазах.

Сосед, приехавший из города на рейсовом автобусе, не стал, как обычно, проходить мимо, а завернул к молодому человеку. Подойдя, поздоровался, назвал себя Михаилом. А познакомившись и узнав, что соседа зовут Василием, проговорил обрадованно:

- У меня отца так звали, когда с фронта пришел, крепкий, плотный был, но раны, и он не долго прожил. - Ну ладно, давай выпьем за знакомство. Я вот свои два месячных талона отоварил, пару черпаков вина взял. Ты не думай, что они последние, как у меня жена. Их достать теперь - плевое дело. Художники их махом с любой печатую рисуют и продают по трешке.

- Я тоже художник, - проговорил Василий, до этого молчаливый и думающий, пить или не пить с гостем. А еще жена может приехать, что у нее на уме? Дети назовут, то орать будет на всю Ивановскую. Так-то баба ничего, но иногда дура душой делается и никакого с ней ладу, только настроение испортит, а потом лижется.

Из задумчивого положения его вывел Михаил. Он обрадовался, будто нашел миллион или бутылку:

- Так ты художник! От слова "худ", али Репин? Рисуешь картины "Мы приплыли"? Так ты и талоны на водку можешь нарисовать с печатью? Да? - и он выжидательно, с открытым от удивления ртом впился своими маленькими глазками в стоящего перед ним живого и неувредимого художника.

Тот ухмыльнулся и покачал головой утвердительно. Обрадованный, как голодный пес, завладевший жирной косточкой, Миша захихикал и, пригладив своей потной рукой седые волосы, сказал:

- Так! Что стоим так долго, будто нищие на паперти? Пойдем быстрее ко мне. У меня есть закусочка что надо!

Соседи, опорожнив бутылку, как и полагается за столом, вели жизненные разговоры. Особенно усердствовал Михаил. Рассказывал, как покупал по талонам водку и вино в разных магазинах. Вытаращив свои окосевшие глазки, говорил,

- Недавно на эртэсе в очереди два старика дуба дали. А на Калинин, так там такая давка была, что бабку - божий одуванчик - затоптали. А на Постышева, когда я сегодня черпаки брал, очередь - с километр, мужики, бабы... Кстати, я промеж баб был, что впереди, то ту я руками обхватил, словно любимую. А сзади которая, так та меня так обхватывала, что у меня голова аж закружилась. Давка была несусветная! Очередь, словно змея, то в одну сторону шархнется, то в другую. А от этого пыль столбом. Даже песок в зубах хрустел. А менты все не унимались бедную очередь выстраивать. Чего только в этой очереди не услышишь - и смех, и слезы, и маты, и перематы.

Но около этого магазина все же был порядок. Его поддерживал своими действиями участковый. Он поначалу был лейтенантом, а за проявленное рвение к службе и умение справляться с толпой за короткое время стал капитаном. Да ты его знаешь! Его все Окунем зовут. Где Окунь, там и порядок. Горбатый со своей Райкой новый орден для таких ментов заделал, в журнале "За коммунистическую трезвость" образец напечатан был, сам видел. Он, значит, такой: красная звезда большая, а в ней зеленый круг, а в круге том - масенький чертик кривляется.

Так этот орден по благу уже все правители понадеялись. Даже наши, местные. Жаль, Брежнев не дожил. А вот Окуню еще не дали. У нас завсегда так - кто заслужил, про тех могут и забыть, а кто у кормушки, те все к себе, даже в партию вступают ради наживы.

Че я не прав, думаешь? Прав! И еще как прав! Убери у них все их привилегии, посади их из-за партии на черный хлеб и воду, так они из нее побегут так, что пятки в задницу влипать будут.

Художник, внимательно слушавший трескотню соседа, пока разливал по стаканам вино, смеясь, сказал:

- Ну про орден, мне кажется, тут что-то не то. А вот почему милиционера Окунем прозвали? Хитрый, как рыба, да?

Недовольный сосед, вроде обидевшись, засопел как ребенок, затем поднял стакан и, чокнувшись с гостем, выпил вино. Закусывая солеными грибочками, молчал, вроде обдумывая что-то. Вытерев губы, с новым напором начал вещать:

- Сомневаешься об ордене - сходи в обком или в горком партии, и у влиятельных партийцев, если не на груди, то на их мордах написано, что они черти. Тебе что, художник, не ясно или ты притворяешься дебилом? Да до такой жизни только черти и могут людей и страну довести! - он со злобы сплюнул, закурил. Успокаиваясь, о чем-то вспоминал, на его лице пробился румянец, и от этого восковое лицо оживилось. Он, покашливая и вроде вспоминая, спросил:

- Так ты об Окуне, за что его так прозвали, заикнулся? А черт его знает, может, по фамилии? Ты что, не знаешь, у нас кликухи одним по фамилиям дают, а другим... Короче, слушай и не перебивай. Не люблю, когда перебивают.

На поселке, за линией, где моя сеструха живет, так там одна бабка внучка, маленького такого, ушастьного, ну и послала за молоком к соседям. Внук приходит с пустой банкой. А бабка спрашивает, почему он без молока вернулся. Ушастик ей и отвечает, что дядка сказал: "Корову еще не подоили". Бабка дотошная была и переспрашивает, какой дядка, желая, чтобы внук назвал имя.

Пострел забыл, как дядьку звать, и выпалил ей:

- Коровин дядька! Ясно тебе, баба?

Так тому мужику, уже в годах, ребенок кликуху прилепил. Теперь на том поселке все его зовут не иначе как коровин дядька.

Незаметно, за разговорами, соседи допили и вторую бутылку. Оставшихся довольными от знакомства, распрощались.

Василий с хорошим настроением шел и любовался природой. Деревья набирали сок, трескались почки и сыпались в канавы, на влажную землю, и кружились в водоворотах серые, коричневые и черные чешуйки. Шепет, гомон, крики и клекоты нашедших, делающих себе гнезда, дерущихся за самок, побежденных или победителей - все смешалось в веселом, чистом до предела воздухе.

Когда он вошел в свой домик, жена стала кричать на него:

- Ты где это шляешься? Я давно приехала, три автобуса уже прошли. Почему пьян? Работы по горло! Что зимой жрать будешь, тебя это мало волнует? Там дети, здесь - ты, спокойно пожить не даешь!

Василий, оправдываясь, пробубнил:

- Работу, что мы с тобой запланировали, я всю сделал. Ну а тут зашел сосед, пригласил к себе в гости. Ну и выпили по чуть-чуть. А что задержался немножко, так это за болтовней время незаметно прошло.

Женщина, вроде успокоившись, вновь словно взорвалась, начала кричать:

- Ты уже успел познакомиться с этим бичом! На него смотреть-то тошно, а ты, пидлой интеллигентиска, вечно прешься на помойки.

- Ну почему. Нэличка, ты так грубо ругаешься? Людей еще не знаешь, а уже ярлык на них вешаешь. Сосед - нормальный человек, а не бич. У него в городе двухкомнатная квартира имеется. Правда, он холостой, но он и не сильно старый, пятьдесят недавно стукнуло. Желает на какой-нибудь старушке жениться, а то на сепере на одну женщину - десять мужчин. Так ни одна его и не выбрала, хотя и денежный был. Все, что мог, купил, десять тысяч на книжке осталось. Да и человек он деловой, вот увидишь. Он показывал мне столярный инструмент, не у каждого столяра такой имеется.

Женщина перестала ругаться, с интересом выслушала мужа и, расхохотавшись, весело сказала:

- Помнишь, когда мы его в первый раз увидели? Я тогда сказала, кому он такой нужен. Вот видишь, права оказалась. И друзья твои все непутевые, даже Коля, которого ты хвалил. Тогда на гулянке пригласил меня танцевать, а сам-то, кавалер, все ляжки обтер мне, бесстыжий. А с Толиком, этим лысым попугом, как начинаешь рисовать и пока вы не сделаете работы, не просыхаете от пьянок. Я у тебя, скоро уже шесть лет вместе живем, всегда не права? Да! Да! Да! И не дуйся на меня, не дуйся! Видели очи, че куповали!

Нэлен, так звал ее Василий, закурила сигарету и, успокаиваясь, по привычке мизинцем прочистила сначала одну, а затем и другую ноздри. Посмотрела на себя в зеркало, а на нее оттуда смотрела она же с накрашенными губами, подведенными глазами и замазанным, заштукатуренным разными, какие только бывают в продаже, кремами лицом. Свои черные волосы она умудрялась выкрашивать еще темнее - до какой-то синевы. А как им достается, когда она их то закручивает, то раскручивает! И все перед зеркалом. Так там уже пол стерся, как на пороге.

Василий, глядя на свою ненаглядную, думал: "Куда с ней ни пойдешь, все пялятся, интересуются, насколько она выше, кто она - еврейка или цыганка. Женщина она, женщина! Прежде чем зубоскалить, на свою внимательно посмотри. А нация у всех одна, и пошла она от Адама и Евы".

Покурив и оторвавшись от зеркала, она поглядела на Васю и назидательно сказала:

- Ты пойми меня, дурашка, я тебя люблю и поэтому ревную. Не хочу, чтобы ты куда-то уезжал работать, оставляя меня одну. Мне всегда нужен мужчина, бросай ты свои художества. Давай лучше скотину разводить! Наберем десяток

поросят, откормим. Вот тебе и деньги. Никуда ездить не потребуется. А если выпить захочешь, то мы с тобой вдвоем посидим. Ты же сам видишь, у меня даже подруг нет, потому что бабы - они сплетницы и стараются чужих мужей увести. Вот если бы я была женщиной, то я бы им всем, всем хорошо бы делала. Так ты опять едешь рисовать с этим пьянчужкой, со своим дружкой Толном. Глаза бы мои на него не смотрели, на лысого, с вечно ехидной улыбкой.

Василий сморщился, словно от зубной боли. И, так как планы любимой его в восторг не приводили, он старался доказать ей по-хорошему свои контрдоводы и тихо с расстановкой говорил, как мог, убеждал:

- Нэлен, у нас же договор. Работу надо быстрее сделать и деньги получить. Там всего-то работы - начать да кончить. Ты же меня пойми, мы с тобой порядочно живем. Ты ни в чем не нуждаешься, хлеб, по крайней мере, всегда у нас был. И дети одеты, и ты не хуже других. Ну а мне, как говорят в парде, "подлецу - все к лицу", подумаешь, в краске кое-где вымазан. Это же хорошо, что я художник, а не ассенизатор какой-то.

Ну, да ладно, одного или двух поросят. А тут целую ферму заводить? Так потом этого мяса не захочешь. А деньги? Как говорится, курочка надвое сказала.

И тут в Нэлен, вроде как черт знает что вселилось. Она стала какой-то ненормальной, даже дикой. С гримасой на лице и, словно взорвавшись, начала кричать:

- Вот так! Вот так! Сколько я с тобою живу, ты всегда мне противишься. У нас только в постели с тобой хорошо, но этого, мало. Я хочу, чтобы ты еще и по хозяйству работал. Да что с тобою говорить? Ты как был интеллигентшикой, так им и остался. А мне, я вижу, мужика работающего надо, чтобы дома по хозяйству все делал.

Василий усмехнулся и зло глянул на нее, парировав ее тираду, проговорил скривив губы:

- Ты видишь сейчас одно, завтра - другое. Жизнь бывает у некоторых людей и длинная. Смотри, дорогая, не проглядишь!

Весна с обилием тепла и света меняла свои наряды постоянно, словно девочка-подросток. И на глазах преображалась в эдакую дивчину-красавицу, удивляя окружающий мир мощным всплеском любви. Ласковое солнце своими лучами растапливало лед, и реки, проснувшись, с шумом и треском под напором молодой дремавшей силы, опьяняющей, бунтарской, освобождались от оков.

Как в природе, так и в людской запутанной жизни перемены будоражили общество. Свобода приняла свой другой смысл, и от этого казалось, что ее вообще не было. С экранов телевизоров не сходили гастролы Мишки Горбачева по странам мира поднебесного. Выглядели эти шоу, сделанные напоказ, как порнозвезды большой величины. Россия за всю историю не видела такого вопиющего предательства. Интересы ее, безопасность, богатства, мораль и честь - все это было поправно.

Перестройка будоражила страну, грандиозные планы падали на общество, что снег на тающую землю. Борьба со спиртным показала всему миру то, что правительство с умником Незнайки в очередной раз заставило огромную державу наступить на грабли, повторяя разорительные ошибки своей и других стран. Победивший в великой войне, перенесший разруху, великий трудолюбивый народ в самой богатейшей стране мира при правлении продажной коммунистической верхушки, которая, жируя в своих апартаментах, унижала людей, словно ярмом одарила многочисленными талонами, тем самым ставила крест на своем существовании.

Уехавший снова в командировку Василий работал в деревне, которая со дня своего поселения, в период целинной эпопеи, была бедна, зато пьяна. Партийные

стенды и плакаты, прославляющие и вдохновляющие на "новые трудовые подвиги", теснились на улицах и фермах. Работа катила, как по маслу, думать ничего не надо. Бери любовью с возом маленький плакатик, увеличивай его через эпидиаскоп, как художники говорили, через Папу Карло, и мажь, и мажь, как маляр. Сделал работу, деньги получил и дальше двигай, в другую деревню или поселок.

Деньги платила коммунистическая партия за счет хозяйств за агитацию огромные, поэтому Василий всегда имел их предостаточно и никогда не копил их, не складывал на сберкнижку, думая, что такая жизнь будет продолжаться вечно. Поэтому он говаривал:

- Не те деньги, что у бабушки, а те деньги, что в пазушке.

И вот, через недельку, вырвавшись с работы на побывку, Василий, радостный, приехав домой, заметил с порога, что отношение к нему стало прохладным. Жена ему сказала:

- Я договорилась на своем подсобном хозяйстве подешевле купить поросят. Сарай, что на даче, на первое время его хватит, но понадобится еще один, большой. Так что, если не ты его будешь строить, то я найму людей. Мне сосед Михаил для двух поросятчиков уже и кормушки сделал, те на даче бегают, маленькие, хорошенькие. Дети сейчас за ними присматривают.

Василий был опарашен услышанным. Он знал, сколько работы предстояло выполнять. А корма? Они же сожрут. Хорошо было бы, если помои откуда-нибудь брать. А откуда? Комбикорм. Ну хлебом можно, пока маленькие, кормить. Опять же хлеба помногу не продают, хлебом все скотину кормят.

Жена, словно прочитав его мысли, сказала:

- У Миши сестра зав.столовой. Она пообещала на своей машине привозить нам помои. Знаешь, такая хорошая женщина, а как славно поет! Она приезжала к нам на дачу. Ну мы так хорошо посидели.

Вася, внимательно поглядев в глаза своей любимой и увидев в них одних бесият, тихо проговорил:

- Да, милая, с тебя сейчас только икону писать. А что, с Михачлом ты уже успела познакомиться? И на какой такой почве, возможно, на сене?

Женщина, взорвавшись от подозрений и потеряв контроль над собой, начала кричать на него с возмущением то, чего он до этого не слышал:

- Ты - кобель! У тебя баб до самой Москвы... Меня ревнуешь, а меня и нечего ревновать, надо самому дома спать. Да! Да! Я спала с ним и буду спать. Он хозяйственный и денежный, а если его мне не будет хватать, то я найду, с кем насытиться! А ты езжай, откуда приехал, мне от тебя ничего не надо! Ни денег, и об остальном и говорить нечего!

Василий, до этого флегматичный малый, спокойно относившийся ко всяким проделкам Нэлен. Тут измена из уст жены, правда, хоть и расписывались на заборе, но кому какое до того дело. Он подскочил, как ужаленный, и в мгновение ока вымелся из квартиры на улицу, на свежий воздух.

- Да... Вот дала! Словно под дых, - испарина покрыла его лоб. Чтобы совладеть с собой, он пошел пешком по улице, не замечая никого. Его разум поначалу затуманили злость и ревность, но постепенно, увеличивая шаг и идя уже по назначению, а не куда глаза глядят, он обдумывал свои дела. Они хоть были и не радужные, но и не бесперспективные.

Проходил мимо винно-водочного магазина, около которого была грандиозная толпа и змеиная к горизонту очередь. Милиционеры, от полковника до рядового, в поте лица выполняли последние указания великой коммунистической партии Советского Союза и ее мудрого правительства, сдерживали жаждущих

людей. Он приостановился, поглядел и покачал головой, подумал: "До какого такого скотского унижения еще могут доводить великий народ?"

Вдруг в очереди он увидел соседа по даче. Тот руками, словно клешнями, впился в переднего, а сзади стоящий - в него. Но монолитность очереди нарушалась - люди знакомых, родственников пропускали вперед себя, а те, втиснувшись, также еще кого-то пропускали. И от этого толпа, упираясь, пыталась, громко ругаясь. Гвалт, пыль, напряженные красные с вытаращенными глазами лица напоминали картину, писанную о приисподней, но только ожившую в малейших деталях.

Игра взрослых людей имела свои правила, а наградой им была купленная по талонам водка или вино. Счастливики, купив таким образом спиртное, озираясь, разбегались кто куда, словно тараканы.

Вдруг Михаил увидел Василия. Сначала обрадовался, но, заметив уничтожающий взгляд соседа, отвернулся. Василий покачал головой и проговорил вслух, как бы в никуда:

- Знаешь, собака, чье мясо съела. Смотри, не подавись!

И он пошел дальше, решив отдохнуть от дел праведных. В ресторане, в полупустом зале тихо играла музыка. Он сел за свободный столик.

Знакомая рыжая официантка, узнав его, улыбаясь, подошла к нему, приняла заказ. Слушая музыку и под воздействием событий, он бесцеремонно рассматривал размазавшихся молоденьких особ. Одну с томным взглядом он выбрал.

Принесла графинчик, холодные закуски, официантка сказала:

- Что еще надо, пока остальное готовится?

- Подсади ко мне кудрявую мадемуазель, а то одному скучно.

- Ты что? Можешь поймать неприятность! - сказала, улыбаясь, рыжая.

- А мне теперь разницы нет. Где одна неприятность уже есть, там найдется место и для другой. А в общем... клин клином вышибается, - ответил Василий и добавил:

- В дорожку пару черпаков у тебя найдется?

- Ну ты же знаешь, как у нас строго?

- Знаю! Знаю! - ответил Василий. - Потому никогда и не торгуюсь.

И та, засмеявшись, пошла.

Молоденькая смазливая девица была не глупой, и они быстро нашли общий язык. Им обоим казалось, что они давно друг друга знают. Поэтому Василий пригласил ее к себе в мастерскую показать работы, а заодно продолжить отмечать знакомство. На что он и получил добро от Вали - так звали его новую знакомую.

Теплая весенняя ночь, луна и приподнятое настроение, желание обоих еще большей близости подтолкнуло их на подвиги. Поймав такси, без проблем они доехали до мастерской художника.

Когда Василий шел девушку в свою обитель, то та даже растерялась: запахи, краски, плакаты, картины и картинки в изобилии теснились по стенам, на столах и стульях. Василий, извинившись за дискомфорт, пояснил ей, что отдыхать они будут на оргалите, который он постелит на пол. Он пару раз отдыхал так, когда делал срочную работу. Не долго думая, он по-хозяйски положил огромные листы оргалита на пол, постелил флаги, знамена, портьеры, шелк, бархат. Поставив на краю напитки, закуску, они расположились по-домашнему и продолжили праздник.

Без боязни свалиться на пол, без скрипа и шума, отдаваясь друг другу в любви, молодые в пеге, словно борцы, пролежали до утра весь оргалит и, обнявшись, уснули крепким сном, проспав до обеда.

Солнце через большое окно припекало, яркий свет резал глаза. Проснувшись,

Василий с Валею быстро оделись, умылись... Девушка, смеясь, проговорила:

- Я так еще никогда не отдыхала. Но главное, мне понравилось, только сколько было. Почему у тебя даже дивана нет?

- В другой мастерской есть, а в этой временно. Работу доделаю и до свиданья! - тоном делового человека проговорил хозяин и продолжил:

- До вчерашнего дня я был женат, а сегодня, по-моему, снова! Все зависит от тебя, миленькая!

Валя, покраснев, вдруг рассмеялась и проговорила:

- Мы мало знакомы!

- И это ты, дорогая, так говоришь - мало знакомы? Ты посмотри, у нас на горизонте дети скоро появятся. Это во-первых. А во-вторых, сегодня у меня день свободный, погуляем как следует, хорошо отдохнем, а затем я уеду доделывать работу. Через месяц мы встретимся и будем решать дела семейные на полном серьезе.

- Так сразу? - удивилась девушка. - Папа, мама что скажут?

- Вот поэтому я даю тебе месяц на размышление. Тебе хватит, как думаешь?

- спросил Василий, обнимая и нежно целуя уже свою невесту.

Та, счастливо улыбаясь, закрыв голубые глазки с выступившими от счастья слезинками, утвердительно покачала головой.

- Но ты же меня еще не знаешь? - прошептала она.

- Дорогая, пока я буду узнавать, перебирать и выбирать, на это лишние дни и годы уйдут, а жизнь - она и так коротка. Мы друг друга нашли. Что тебе еще надо? Итак, через месяц мы встретимся. Один, два или три дня, туда-сюда, роли не сыграют, - проговорил Василий с решимостью.

Отгуляв с Валею еще одни сутки и проведив ее домой, он вечером решил съездить на дачу и забрать инструмент, необходимый для продолжения работы. Подождя автобус, он сел в него и поехал на дачу, решив этим же транспортом вернуться назад, в город.

Автобус от вокзала ехал полупустой. Василий, сидевший у окна, смотрел задумчиво. Взгляд его блуждал. Никто его не интересовал. Как вдруг, подъезжая к остановке, на которой он всегда садился, он увидел навьюченных сумками жену, детей и соседа по даче. Они о чем-то весело разговаривали, смеялись. Василий, глядя на эту идиллию, подумал: "Много ли людям надо для счастья?" И, себе же усмехаясь, ответил: "Нет! Надо, чтобы у одного из них на книжке было, чтобы с богатым, как за каменной стеной, пожить. Деньги не вечны, у них есть свойство сквозь пальцы даже просачиваться. В этом же случае они, скорее, наживка. Нэлен тоже захотелось, как рыбе, жирного червяка, забывая о крючке". Василий вспомнил почему-то о дяде Яше, у которого он как-то спросил, почему у него всегда деньги водятся, хотя он их мало получает. Тот ему ответил, что надо не шиковать, а кушать больше кашку, кашку подешевле, а деньги ложить на книжку. Да если бы я так жил, копя деньги, да у меня за год их было бы, как у дурака махорки! И больше, чем у этого доходяги-соседа.

И, посмотрев на свое отражение на противоположном стекле, сказал:

- Да, старик, свято место пусто не бывает! Что ни делается, то делается к лучшему. Правду говорит, будь он лыс и горбат, лишь червонцами богат. Разве этот богат? Посмотреть немного погоды, как несчастные эти копейки испарятся! А вообще, нужны они мне, когда у меня уже есть Валя, постоянная работа, и при том денежная. А чушники пусть эти плебеи занимаются, сопли на рукав наматывают, как в деревнях, где пришлось побывать. Там бабы-то на баб не похожи. От тяжелого труда молодые девки рано стареют. И эта зашпаклеванная туда же, да еще детей и этого доходягу... Ну и компания!

Вошедшие в автобус перестали смеяться. Дети - две красивые высокие невесты на выданье, - первыми увидев дядю Васю или, вернее, Василька (так они ласково постоянно звали его между собой, потому что он никогда их не обижал, всегда защищал, помогал с уроками и был не жадный), стали между собой шептаться. Нэлен, увидев его, потемнела еще больше и, подойдя к сидевшему бывшему своему сожителю, проговорила грозно, словно прошипела, при этом глаза ее напоминали кошачьи, когда та защищает от собак свое потомство:

- При разводе я дачу тебе не отдам. Вещи разные - стенку и другую мебель, по твоему усмотрению, можешь забрать хоть завтра.

- Ненаглядная, а мне от тебя ничего не надо. Может, трусы твои, девок делить еще начнем? Ты же прекрасно знаешь, что мне барахло все это, как якорь, а якориться не люблю. Помнишь, по осени, когда ты меня допекла, я уходил только со своими переодежками?

- Так тогда было все по-другому. Кстати, я перегадила все твоё бельё, костюмы и сложила в чемодан, - проговорила женщина, успокоившись.

- Нет, тогда была реконструкция, а теперь, с учетом того, все идет по наезженной колее. Итак, дорогая, сейчас инструмент заберу и этим же автобусом назад укачу. Не люблю, когда мне мешают, но особенно кому-то мешать. Вот и подъезжаем. Сейчас автобус остановится, я успею сбежать за своей сумкой. Ну ладно, пока! Теперь-то ты можешь сколько угодно и на кого угодно хоть верещать, хоть хрюкать. Покедова! Передавай родителям привет и всем, всем, всем!

Васька, как ошпаренный, побежал на бывшую дачу, на ту, где ему пришлось за эти годы изрядно попотеть. Там он забрал кисти, краски и, не задерживаясь, без какой-либо жалости покинул столь живописный райский уголок.

Обратная тропа сократила путь, и он больше не встретился со своим бывшим семейством. Автобус подкатил незамедлительно, и он поехал сначала до автовокзала, а потом, пересев на другой, укатил в деревню на заработки.

Когда Василий заглянул из краткосрочного отпуска, словно побитый, друг не стал его спрашивать о делах семейных. Он прекрасно знал, что семейные раздоры не красят людей.

Как ни странно, на первых порах Василий не жалел о том, что разбежался с Нэлен. Он работал, по чем больше желал забыть ее, тем сильнее его неведомая сила тянула к ней. Ум говорил нет, душа рвалась к ней, она дымила и почками напоминала о том, что ее место там. Даже водка и та не давала забыть о семье и, главное, о Нэлен. Василий маялся и говорил сам себе: "Она что, меня заколдовала? Или это и есть любовь, из-за которой мужики лезут, как зайцы, даже в петли. Меня, как никогда, тянет к этой женщине. Что делать? Не возвращаться же назад, к новым пыткам, к пыткам другим, еще более изощренным".

Даже Валя, молодая девушка, с которой он, как в сказке, провел прекрасные дни, как ни странно, не смогла затуманить, забыть ее. Работа затянута и стала невмоготу, настроение отверженного, психоз и жжение в груди, разбивали мужика, делая из него старика, физически и морально.

Но болезни, они приходят неожиданно, одни организмы они уничтожают, а другие, переболевшие их, закаляют. Любовь - это тоже болезнь, несколько не уступает другим коварным, а исходы от нее тоже бывают летальными или еще хуже: доводят до скотского положения, превращая в тряпку, в спившегося человека независимо от пола.

После изнурительных дней, часов и минут Василий, наконец, сделал работу и приехал в город. Летний, промывтый кратковременным дождем день не жарил, пылью не одаривал, лишь уходящая на восток темная туча под лучами полуденного

солнышка восхищала все поднебесье своей изумительной радугой, переливающейся сочными цветами, цветами жизни. И в этот момент его ждало еще одно испытание.

Как закон, вернее, дьявольская шутка, может, все же совпадение, он увидел, как по другой стороне улицы вышагивала Нэлен под ручку с соседом Михаилом.

- Вот те на, не было печали, так черти накачали, - проговорил ошарашенный увиденным Василий.

Пот и озноб прошибли его с головы до пяток. Он остоленел, затем, развернувшись, тихо пошел прочь, мимо кинотеатра. Взгляд его в никуда блуждал по зелени, отворачивался от веселых лиц. Ему было все немило, даже сама жизнь казалась пустой, но тут он увидел афишу и прочитал: "Полосатый рейс". Кино это он видел, но, не раздумывая, взяв билет, пошел на фильм.

В полупустом огромном зале, где шел сеанс, Василий, глядя на экран, сопереживая, смеялся и плакал от умиления. Он забылся от действительности и был в поных грезах, там, где очищалась его душа от скверны. Когда окончился фильм, он вышел на свежий воздух. Солнце сияло ему и только ему, птички словно купались в зелени цветов, деревьев и пели, щебетали на разные голоса.

Какая прекрасная жизнь! И он, вспомнив свою хандру, заулыбался и в своей адрес сказал:

- Балбес и к тому же дурак, нашел, кого любить, еще страдать!

Василий, придя в свою мастерскую, побрился, переоделся во все чистое, поодколонился, как всегда, и позвонил Вале. Но ее сестренка ответила, что та будет только завтра: она у бабушки помогает на огороде.

Повеселевший Василий, улыбаясь, проговорил на радостях:

- В гостях не в пропастях, а пока я тоже в гости, главное, чтобы не поломали кости.

Он, радостный, как в праздник, купил по благу бутылку вина и, спрятав ее под рубашку, заткнув за ремень, чтобы не было видно, пошел, повеселевший, в гости.

Он шел по улице не спеша, потому что ему навстречу шли толпы людей, сошедших с поезда и устремившихся, студенты - в свои училища и институты, как обычно, с баулами, которые приходилось обходить. Василий уже решил перейти на другую сторону улицы, где было малоллюдно, как он нос к носу столкнулся с бывшим своим семейством и тещей, прибывшей на поезде. Та, увидев любимого зятя, заулыбалась и проговорила:

- А вы сказали, что Вася в командировке, не придет! Смотрите, а он пришел, как знал, что я привезла тяжелые чемоданы с гостинцами, какой он молодец.

Нэля и девочки, уставившись, удивленные, на Василька, молчали так же, как и он, ошарашенный, смотрел на них. Но замешательство быстро рассеялось, когда теща расцеловалась, какую поклажу отдать мужчине, а какую - полегче - сами понесут. И вот процессия, навьюченная подарками, двинулась в сторону остановки. Пока девочки увлеченно тараторили с бабушкой, не обращая на окружающих внимания, Нэлен скороговоркой, как из пулемета, проговорила:

- Ты, муженек, пока матери не говори о том, что мы с тобой уже не живем! Не будем портить ей настроение. А ты, как придем, посидим, скажешь, что уезжаешь работать. Она три дня погостит у меня и дальше поедет далеко-далеко - к брату, на запад, аж в Киргу. А потом все уляжется само собой, скажу... Да какое тебе дело потом?

Он думал о том, как по-дурацки попал, и опять совпадения. То увидел ее с соседом, то эта теща. И отказать не откажешь! Ну, да ладно, будь что будет. У Антонины Ивановны самогонка путевая всегда, да и пожрать она мастерица

делать, не то что эта, ее дочка. И вспомнив, как учил Нэлен карасей шинковать, борщи готовить, а вареники-кодуны делать! И всегда она умудрялась все пересаливать. А потом ночами воду ведрами хлестали, а морды как отекали! Ну учил, что поделаешь? Другую учить теперь придется, не будешь же давиться одними супами да рожками.

- Ты что, меня не слышишь? Я же тебе в третий раз повторяю. Не вздумай сказать маме, что мы с тобой не живем, а то ты как напешься, - проговорила с досадой женщина.

- Ладно, ладно, с вами напьюсь. Не глухой - это раз, не дурной - это два. Ты сама прекрасно знаешь, что от концертов меня воротит, я же люблю рестораны. Как в поговорке: "Вольному - воля, сильному - сила, а дураку - поминки".

- Вот ты и дурак, жить со мной не захотел. Где лучше ты еще найдешь себе бабу? У меня и чистенько, и наварено. На замухрышке женишься, попомнишь меня!

Теща (еще молодая женщина лет пятидесяти с хвостиком), остановившись, проговорила:

- Давайте отдохнем чуть-чуть. Я с девочками поговорила, нардоваться на них не могу, какие красавицы повывагали. А вы-то, словно голубь с голубкой, так воркуете, и просто наглядеться на вас не могу. Какие вы у меня красивые! Приехала в гости и хоть устала с дороги, но душа поет. Я вроде даже как помолодела, - и поглядев на зеленеющий сквер, добавила:

- Мне всегда нравился ваш город. Чистенький, маленький, опрятный и люди приветливые. Ну что ж это мы стоим? До остановки немножко осталось, пошли. А то, я вижу, зятек проголодался. Я его домашней колбаской угощу.

Ввалившись в квартиру веселой дружной компанией, все стали отвязывать, открывать, проверять, не разбилось, не разлилось ли что. Запахи деликатесов милоебно оккупировали помещение, нарушив томное прозябание кошки, которая, словно изнеможенная, стала мяукать и орать, тем самым напоучав перед трапезой незапланированных гостей.

Но вот, разобравшись с подарками и по-быстрому собрав на гостепреимный стол деликатесы и напитки к ним (даже Василий вытащил свое вино, обрадовав тем самым тещу, которая тоже выставила крепкую настойку собственного изготовления), дружная семья стала пировать. После первых рюмок все увлеченно и с аппетитом, несмотря в чужие чашки, степенно уплетали закуску. После последующих рюмок Нэлен захорошела и запела сначала одну песню - "Мало водки, мало водки!", а затем про зятя. Тем самым выбила умильную слезу у своей благодарной мамочки. На этом ее репертуар обычно кончался, и девочки включали магнитофон с более цивилизованными песнями - "Ой мороз, мороз" и так далее.

Василь, видя, что прощальный концерт подходит к завершению, допил налитое, досел, что было повкуснее, и тут Нэля вспомнила, что надо ехать на дачу, кормить хозяйство. Она засобиравшись, наказала детям, чтобы те слушались бабушку и, попрощавшись, вместе с Василием покинули теплое и уютное гнездышко. Идя по дороге, бывшие любимый и любимая шли молча, каждый думая о своем. И вот незаметно придя на остановку, они, посмотрев вопросительно друг на друга, и она первая проговорила:

- Вот я пришла, сейчас мой автобус будет, - и, посмотрев на часы, с уверенностью сказала:

- А ты куда свой путь держишь? Тебе, как я знаю, надо теперь в другую сторону. Уже нашел себе краля. Без баб и дня прожить не можешь, я тебя по себе знаю. И ничего не говори в свое оправдание. Да и какое значение оно имеет теперь? И вообще, ты меня не любишь и никогда не любил. Всегда ты был груб

со мной, как следует приласкать не мог. А женщина, она, как кошечка, ласку любит.

Василь на такое признание своей бывшей зазнобы ответил вразумительно:

- Я тебя за все время, сколько прожили вместе, даже пальцем не тронул, а ты мне - грубый. Это ты все время девок своей пятерней, что лопатой, как вдоль спины перетираешь, что те бедные потом юлой крутились. Приходилось их защищать, так ты на меня. Забыла, что ли? Грубый! А тебе надо, как в анекдоте - бык корову раз в год любил, а затем весь год ласкал. Дорогая, все твои желания сбудутся, я желаю от души этого. Ну а напоследок, я думаю, полюбую тебя, как всегда, даже лучше. Чего уж там, надо расходиться по-хорошему! Не прав ли я? - и он посмотрел на нее, выжидающе улыбаясь.

Нэлен, вздохнув и глянув загадочным взглядом на ершистого одинокого художника, зевнув, проговорила:

- Ты прав, но сегодня ко мне нельзя. Завтра приезжай.

Василий подумал: "Ну куда я сегодня попрусь? Черпак вина нигде не возьмешь! К друзьям? Так уже поздно. Да после такого застолья... А что она выкаблучивается, собственно говоря? В другое время меня сюда и палкой не загонишь. Буду я, как медведь в берлоге, сегодня один спать. Смотри-ка, мне уже очередь устанавливает. Хренушки! А где закон джунглей?" И он, оборачиваясь к женщине, с настойчивостью то ли дурака, то ли сильно озабоченного человека, с пастырностью, с металлом в голосе проговорил:

- Да, кстати, я тогда, дорогая, не все инструменты забрал. Тебе они не пригодятся, так что сгоняю с тобой, пока время есть, а то завтра уезжаю на неопределенное время. Так что придется мне все-таки прогуляться с тобой, а заодно и проводить до места целехонькой. А то, что случится с тобой, например, изнасилуют и убьют, то на меня все стрелки переведут. Так что, извини-подвинься, на сегодня я твой ангел-хранитель.

От такого выступления Василия женщина расхохоталась и, смеясь, проговорила:

- Кто, кто? Ангел-хранитель? Но раз так, то провожай. Меня ангелы еще ни разу в жизни не провожали. Ты будешь первым. А я-то думала, мне придется сегодня опять с соседом Мишей и его новой женой идти. Он ее с работы этим автобусом всегда встречает. И ты знаешь, постоянно с цветами. Такой обходительный, кто бы мог подумать. Вот, кстати, и автобус появился на соседней остановке.

Подошедший автобус был полупустой, и из него на остановках пассажиры выходили и входили. И вот, подъезжая к своей, они еще издали увидели одинокую мужскую фигурку с букетом. Когда сошли с автобуса, то увидели, что на остановке стоял сосед Миша. Сначала лицо его словно засияло, но, увидев выходящего Василия, враз омрачилось, пошло красными пятнами. Нэлен, обратясь к нему, сказала:

- А твоя сегодня что-то этим автобусом не приехала. Зато вот мой появился, как ясное солнышко. Желает сегодня все собрать, а завтра утром уезжает надолго. А может быть, навсегда.

Василий, даже не глянув в сторону соперника, про себя отметил: "А этот тщедушный цветочек на халюгу не поленится на болоте надрать. Вон сколько тянет за собой, словно лесовоз хлыстов. Ничего, в ведро воткнешь, завтра этой дуре опять притаранишь. Не то что я в прошлом году на 8 марта, как джентльмен, купил ей живых цветов на базаре и, пока ехал, толпа хорошо давала, ножки кое-какие поломались. И крику же потом было! Она сначала орала:

- Эти цветы с кладбища, там специально так надламывают, а ты у бичей за бутылку сторговался!

И пошла-поехала. Ну и наплевался я тогда со злости. И с тех пор охота отпала цветы дарить. Лучше черпаки с вином и конфетами. Черпаки - себе, конфеты - детям".

Идя и рассуждая сам с собою, Василий невольно залюбовался природой. Теплый закат золотом отражался на спокойной водной глади озера, окаймленного изумрудом леса. И, как бы желая поделиться этой красотой со спутниками, он машинально глянул на плетущегося с букетом цветов соседа, затем перевел взгляд на Нэлен, которая шла чуть впереди и поминутно оглядывалась. И в этот момент Василий в ее глазах и поведении увидел нечто такое, которое ему напоминало... А что? Он стал напрягать свои еще непотрезвевшие мозги. Взгляд был похож то ли на Мадонну, то ли на Монну Лизу... Вроде на певичку? Нет! А поведение, а поведение... Стоп! Тыфу ты! И он, выругавшись, сразу вспомнил гулящую суку. Та тоже так шла, не спеша, а за ней - свора кобелей. И она оглядывалась на них точно так же.

"Да, а чем я лучше тех кобелей? Да и тот, который сзади идет, очередной, завтра будет свои слюни пускать. Ну и жизнь!" - и он, хмельной от такого сравнения, даже расхохотался до икоты. Тем самым ввел в недоумение попутчиков.

Придя на дачу и накормив поросят, Нэлен постелила постель, и последняя ночь некогда любивших друг друга людей закружилась в своем стремительном темпе. Через открытое окно из избы слышались всевозможные звуки, от которых собаки до утра подвывали и лаяли, не переставая.

Солнце поднималось уже высоко, и голосистые петухи с хриплыми глотками уже успели вдоволь подраться со своими соперниками и, успокоившись, ходили между хохлаток, топчась и сбрасывая тем самым дурную энергию. В это время, нанежившись в объятиях, с блаженной истомой, нехотя покинула гостеприимную постель сроднившаяся пара.

Василь, упаковав в вещмешок необходимые на первое время краски, кисти и подумав, что все не унесет, попрощавшись с хозяйкой, бодрой походкой утопал.

По прошествии времени, которое лечит болезни не хуже заморских лекарств, молодой человек все реже и реже вспоминал о Нэлен. Но как-то перед праздником, когда подписывал открытки родным и знакомым, после угрызений совести поздравил и ее. Он написал:

"Любимая Нэлен! Поздравляю тебя, дорогая, с долгожданным праздником! Желаю тебе отличного здоровья, большого семейного счастья! - затем, немного подумав, что еще пожелать от души и вспомнив про ее хозяйство в виде поросят, дописал: - а также желаю тебе в жизни большого свинства на долгие года".

С тех пор прошло порядочно времени. Василь Иванович после долгой разлуки заехал в город своей молодости, прошелся по улицам. Встречаясь со знакомыми, здоровался, а кое с кем успел и выпить. И вот, собравшись уезжать, он стоял на остановке, задумавшись, и вспоминал невольно о прошлом.

Вдруг его по имени окликнула в окружении детворы дородная дама, которую он узнал, и от этого покраснел как пацан. Перед ним стояла его бывшая любовь - Нэлен.

- Василек, Василек! А ты не изменился. И даже, я смотрю, твой новый костюм кое-где в краске.

- Да я проездом. К другу забежал и теперь на вокзал и ту-ту! А это что за дети около тебя стоят и в поисках ковыряются?

- Так это же мои внуки и внучки. На них богатая я, - и она, радостная, расхохоталась своим звонким смехом.

Да, жизнь идет. И Василь, вспомнив про расставание, спросил:

- А как поживает сосед Михаил?

И она, потемнев во взгляде, ответила:

- Был жадный, держал деньги на срочном вкладе и додержал. Теперь на

них не то что машину "Ниву", а даже бутылку водки не купишь. С какой-то живет, на своей даче - дено и ношно пропадает. А сейчас жизнь: у всех такая - если нет огорода и не можешь воровать, то будешь голодать.

- А как твоё хозяйство? Я имею в виду свинство, - и он заулыбался.

- А, помню-помню твою открытку с поздравлением. Хотя ты его и не подписал, но твои врожденные подковырки ни с кем не спутаю. Не держу я их и хозяйство. Муж работает, и нам хватает. Да огород помогает. Излишки даже продаю. Дети, слава Богу, сами работают. С внучатами приходится нянчиться. Ради них и живем.

УГОЩЕНИЕ

Эту историю со свойственными подробностями рассказывал в вагоне всем человек, сильно обиженный и желающий поделиться своей, как ему казалось, к себе несправедливостью. В его рассказе и облике было что-то собачье, вроде зализывающего свои саднящие раны до следующего непредсказуемого удара судьбы. Начинал он издали, как на исповеди, или, вернее, как танцор с выходом. А затем при рассказе на самом интересном месте давал своему душевному состоянию такого гопака! И при этом зеленоватые глаза горели, как у кота, а усы на красном потном лице распушались, брызги слюны при этом вылетали изо рта и поровали прихватить с собой вставные зубы. Соседи по купе уже успели все перезнакомиться, и поэтому все знали, что этого подвыпившего человека звали Елифаном Макаровичем. Его живописуемый рассказ с подробностями можно было прослушать только в поезде. Из далее рассказанного следовало, что на недавней и жестокой войне он не был, так как был по броне и состоял в охране заключенных сначала на севере, а затем перевели его в маленький деревянный городишко, смятый напех людьми в основном из бараков, одно- и двухэтажных, по окраинам поселка размещались зоны с зеками, вперемешку с воинскими частями, которые в основном располагались на сопках. Та, что была повыше, называлась сопкой любви, пониже - разлуки. Под ними протекала своенравная река, которая делала город пополам и постоянно в большую воду старалась смыть большой деревянный мост, соединяющий этот город воедино.

Река затопляла этот городишко постоянно, особенно страдали от паводков поселки с частными домами и огородами. Жили здесь люди в основном бедные, переселенцы из центральных областей страны, мордва с их поселками, татары с железной дороги и евреи, заполучившие эти места навсегда, не говоря о русских, украинцах и белорусах, без которых такие захолустья просто не существовали бы.

Правда, были в этом городе и каменные немногочисленные административные здания, ресторан с гостиницей, вокзал, от которого к кинотеатру шла булыжная мостовая, далее стояла бревенчатая каланча со смотровой вышкой наверху, которая в хорошую погоду отражалась в озере и хорошо просматривалась из заросшего черемухой парка с доносившейся оттуда по вечерам духовой музыкой. Городишко в основном зависело от леса, так как его сплавляли по реке, то и пригоняли сплавщики плаоты из кедра прямо к деревообрабатывающим заводам, находящимся на берегу. Самую тяжелую работу делали зеки, охраняемые с собаками. Из далее рассказанного Елифаном Макаровичем все знали, что служил он там в охране и служил бы и дальше, но времена сменились. После смерти Сталина, амнистии

аннулировали зону, в которой он служил. И ему пришлось идти в лесники.

В его обязанность входила проверка машин, идущих с лесом, отвод делян и затем закрытие их после порубок. За это имел уважение и был на виду. Для пущего удобства для работы недалеко от города, за тихой текущей средь болот речкой, в редке с растущими ядреными лиственницами он из сухостоя срубил себе сторожку и зимой постоянно находился там. Домой же он наведывался помыться и отдохнуть. А впрочем, жена его была привыкшей к постоянным отлучкам мужа и жила своей жизнью. Правда, постоянно требовала денег, но Елифан Макарыч их имел, держал при себе, знал счет им и никогда не транжирил их, как некоторые. А если выпить..., то его угощали, поэтому жене он давал столько, сколько считал нужным. Да и к чему ей деньги, когда в доме и так все было? Жили не бедно, так считал он. Поэтому постоянно он был на работе, всегда на месте. И огонек из сторожки у дороги светил всегда, и проезжающие ночью на стударях, полуторках и зисах шофера окрестили эту заимку елифановым маяком. И по пути из города наезжали к нему пропустить на дорожку кто с чекушкой, кто с поллитровкой. Сами пили и угощали хозяина. Его черный пес после гостей поедал с жадностью объедки вместе с окурками, а, наевшись до одури, затем спал в конуре и спросонья среди ночи внезапно выскакивал из будки и громко и беспрестанно лаял, за что не раз получал от Макарыча нагоний.

Все было хорошо. Но однажды утром, дело было ближе к весне, Елифан Макарович вышел во двор за дровами, и оттого, что с вечера его хорошо угощали из уважения, озноб еще его прошибал, а морозец и липкий ветерок продувал насквозь, по он в охапку набрал дров и занес в сторожку, растопил печку, вскипятил чай, отколов сахар, стал, причмокивая, пить, при этом он дул, и вялость вместе с потом стали покидать его.

Вдруг по дороге проехал и даже не остановился студебеккер, и поехал не по прямой, а свернул на ближайшую деляну, на ту, где дрова еще были, но она была уже закрыта для посторонних. "Кто это мог быть?"

- Да я им! - и он, забывшись, набрав полный рот кипятку, обжег себе рот, с яростью и болью выплеснул все на пол. Мгновенная злость - вот что главенствовало над этим грозным начальником. Он был непримирим к тому, кто поехал самовольно за дровами.

"Уже будет худо, прощения даже в виде магарыча им не видать", - так думал Ефим Макарович, снова прихлебывая уже маленькими глоточками сладкий чай.

Попив чаю, лесник оделся потеплей, подпоясался широким ремнем и вышел из избышки, хотел уже идти на ближайшую деляну, но тут подъехала полуторка. Знакомый повар с самой дальней деляны уже навеселе с поллитровкой в руке и банкой тушенки вышел из машины и, улыбающийся, пошел к леснику. В избышке снова была рабочая обстановка, разговоры о том о сем, но непременно переключались на женщин и смаковали героические похождения похотливых, на словах, донжуанов.

После допития бутылки повар с шофером поехали на деляну, а Елифан Макарович, повеселевший и покрасневший, стал ждать нарушителей. А чтобы они с ходу не проехали, на дорогу он выкатил пару чурбаков.

Еще не протрезвевший, поэтому грозный, при деле, лесник, наконец-то, дождался нарушителей, студебеккер, груженный дровами, надсадно шумя, подъехал к сторожке и остановился. Из него вылезли двое молодых парней, которые весело поздоровались с Макарычем, словно старые знакомые, предложили даже закурить. Но лесник принципиально отказался и грозно стал спрашивать: кто такие и почему без спросу? Ребята сказали, что с фабрики их послали, а билет следующим рейсом завезут, так как с утра не оказалось главбухши и главный инженер, посылая, сказал, что у вас в журнале все записано.

Елифан Макарович не мог никак понять, что за журнал, что за главный инженер, он просто сказал:

- Выгружайте дрова и катитесь туда, откуда приехали, пока по колесам или по мозгам не схлопотали ударной силы дробовика.

Ребята, на какое-то время опешившие, снова взмолились, при этом сказали, что дрова нужны срочно для нужд производства, а один даже вытащил деньги и стал совать Макарычу, на что тот при исполнении брать их пока не стал, но решил проверить по-своему, кто такие, а уж потом - как Бог даст.

Ребята сказали, чтобы Макарыч ехал с ними, а там по дружбе даже пообещали хорошо угостить в железнодорожном ресторане и назад привезти. Лесник, для приличия еще немного подумав, потом согласился: еще бы, за чужой счет в ресторане отобедать, потом и назад привезут новые обходительные друзья.

Машина, груженная до отказа и вобрав в себя еще гостя, урча от удовольствия, как казалось Елифану, кружа за собой белую поземку, катила сначала по бескрайней мари с далеко на горизонте, как островами синиеющими сопками. Солнце, отражаясь от белизны сахарного снега, слепило глаза, и они слезились, как бы промывались. Въехав на окраину города, Елифан увидел свой дом с клубящимся дымом из трубы, хотел зайти, но ребята его отговорили. Сказали, что на обратном пути заедут. Машина торопилась на стоянку. Подъехав к вокзалу, поставив машину, проголодавшаяся троица, весело беседуя, прошла в ресторан отобедать.

Молодые ребята как завсегдатаи этого значного места по имени позвали официантку, которая приносила им множество блюд и, конечно же, питье с градусами. Лесник, проглотив смачную слюну, принялся за трапезу: вино, водка - чего душа пожелает! Ребята были такие богатые - угощали его даже икрой и крабами, при этом уплетали деликатесы так, словно каждый день их ели. Покончив с одними блюдами, Елифан с удовольствием принимался за другие, при этом он, рассуждая, разговаривал с молодыми людьми, поучал их жизни и, невольно смотря в зеркало, горделиво поглядывал на себя, по привычке поглаживая усы. Незаметно к их столику подсел еще один молодой человек, и лесник беседовал и с ним, а между делом он курил дорогие папиросы, как какой-то большой начальник. И так хорошо расположенного к жизни Елифана Макаровича любезно спросила официантка:

- Чего еще желаете? - при этом взгляд ее подобострастный ожидал за обслуживание хорошие чаевые.

Гость любезно отказался, допил из графинчика водку и, как следует еще не закусив, как нетерпеливая молодая и красивая в белом передничке девушка с блокнотом стала подсчитывать, на сколько было съедено и выпито за столиком бравой компанией. А затем предъявила счет, в котором уместилась вся месячная зарплата лесника.

Епифан, сытый и в хорошем настроении, осмотрел небольшой зал столь гостеприимного значного места, но кроме надсадно пылающего за окном паровоза и своего отражения в зеркале, вделанного зачем-то в стену, знакомого ничего и никого не увидел. Лишь сверлящий и ждущий взгляд официантки красноречивей всего говорил, что кто должен платить за столь шикарный пир, в столь полуголодное время?

Но лесник, помня о хлебосольных ребятах, сказал нетерпеливой дивчине, что сейчас подойдут ребята и рассчитаются. На что та сказала, что с них за обед она получила и они попросились до следующего приезда.

Как так? Привыкший к угощениям Епифан Макарович был вне себя от ярости, лицо его, красное от трапезы, покрылось крупными каплями пота, и его бросило в жар, как в парилке. В животе что-то заурчало, и ему захотелось побольшему. И он хотел сходить, но официантка, как каменная стена, преградила ему путь. Епифан Макарович судорожной рукой достал замасленный кошель и, как при пожаре, отслюнявил ей причитающиеся деньги. И при нужде, которая не вовремя на него навалилась, мгновенно вымелся из опостылевшего враз помещения, при этом кляня на все, какие есть, кары этих неблагодарных людей.

И вот, идя по заснеженным улицам города и со злостью вспоминая обидчиков, Епифан Макарович при встрече им в уме припасал такие кары, которые даже грешникам в аду и не снились. Он помнил, как ставил на место проитрафившихся урок: то были цветочки, а этим все ягодки достались бы, попадись они ему теперь. Плакали бы горючими слезами!

ЦАРАПОК!

ЮМОРЕСКА

Это было для всех неожиданностью. Начальник такого большого ранга и вдруг пожелал поехать на зимнюю рыбалку. Заядлые рыбаки, которые постоянно ездили на рыбалку, были в недоумении, они про себя думали: "К чему это Михаилу Абрамовичу приспичило с нами на Амуре сопли морозить? С рыбалки приезжаем и так его постоянно угощаем..."

Начальник, даже несмотря на увещевания своей жены, которая была не в восторге от затей мужа, был непреклонен в своем желании.

К себе в кабинет он пригласил самых заядлых рыбаков, которые ему с готовностью и подобострастием выложили до малейших подробностей секреты подледной ловли и снабдили своими "везучими" снастями.

...И вот настал воскресный денек. Утренний кусачий морозец на фоне поднимающегося красного, словно недовольного солнца собрал воедино возбужденных рыбаков. Они делились своими впечатлениями, подсчитывали припасы на

случай сугрева, зубоскалили, рассказывали анекдоты, вольно острили насчет женщин.

И вот все уже в сборе, автобус покотил по заснеженной стылой дороге навстречу мечтам. Амур встретил братву неприветливо. Пронизывающий ветер заставил делать укрытия в снегу. Буры прогрызли лед, махалки в руках рыбаков энергично заработали, подцепив очередной трофей, рыбинку, энтузиасты в восторге кричали: "Царапок!"

"Царапок, царапок!" - так и слышалось со всех сторон.

Не отставал от всех и Михаил Абрамович. Всеобщий азарт повлиял на него оздоровительно. Достав свой любимый армянский коньяк, он выпил сначала одну рюмочку, потом еще и еще, при этом в восторге, как оглашенный, кричал и кричал:

- Царапок! Царапок!

Время за рыбалкой прошло невероятно быстро. Горы рыбы возле каждого рыбака говорили о богатом улове. Лишь только у Абрамовича, как он ни усердствовал, не было ни одной, хотя от возгласов "царапок" у него уже в горле перлило.

Рыбаки, собирая свои пожитки и улов, проходя к автобусу, с удивлением глядели на Михаила Абрамовича. А он по-прежнему усердно, заправски делал все, как учил. Но что-то было не так!

Инженер по труду Петр Гаврилович, подойдя со своей махалкой к шефу, тихо проговорил:

- Может, моей попробуете? А то у вас что-то не получается...

- А что мне? Мне главное - процесс. И, понимаешь ли, свежий воздух.

Но настырный Петр Гаврилович все же настоял на своем, и Михаил Абрамович нехотя вытащил снасть из лунки и подал ее.

Каково же было удивление инженера, когда он увидел, что с крючков не сняты кембрики.

- Вот те на! - проговорил изумленный Петр Гаврилович. - Вы же даже кембрики не сняли, а поэтому ничего и не поймали.

- Неужели? А их что, снимать надо? Ну ничего, в следующий раз сниму.

И наконец-то поняв, в чем дело, он весело расхохотался. И проговорил сквозь смех:

- У нас, у русских, первый блин всегда комом.

НЕ ТВОИ ПРОБЛЕМЫ

Владимир Леонтьевич - мужчина еще цветущий и полный надеждами на будущее в жизни - лежал на диване и просматривал газету. Он желал прочитать что-нибудь интересное на сон грядущий, но газета была полностью напичкана информацией о том о сем. Реклама, продажа, обмены, поздравления, знакомства и некрологи заполняли ее. Правда, попался детектив на целую страничку, но он его не стал даже читать, так как знал, что эта выдуманная мишура ничего общего с жизнью не имеет. Мозги забивать куцей, как он считал, писаниной, не было у него желания. Он еще раз полистал газету, внимательно пробежался глазами

по программе телевидения и, не найдя ничего хорошего, решил завалиться спать.

Вдруг в его холостяцкую дверь кто-то настойчиво постучал - раз, другой, третий. "Кто бы это мог быть?" - подумал он и поскреб свою уже изрядно посевшую голову, при этом глянув в заиндевшее от мороза окно.

Подойдя к двери, спросил:

- Кто там?

Ему ответила его бывшая подруга. Что это она к нему? Он подумал: пускать или не пускать. Который раз он уже говорил ей, чтобы она забыла к нему дорогу, и на это у него были веские основания. Но она нет-нет, да и прибежит, вроде себе не может найти другого и даже помоложе. Ладно, решил он, пусть погрется, а там видно будет: на улице вон какой мороз, да и ночь.

Когда он открыл ей двери, то увидел ее, раскрасневшуюся, словно из парилки, гордую и смелую, с полной сумкой, из которой аппетитно высовывались, показывая копченые бока, окорока, балыки и колбасы, а промеж них торчали горлышки бутылок с дорогой водкой.

Леонтьевич, с удивлением обозревая свою гостью, которая смотрела на него своими пьяненькими и влюбленными глазками, которые без слов говорили: "Ну, сегодня ты уж будешь мой и меня от себя не погонишь. А то взял моду - ревновать и устраивать сцены, будто капризный мальчик какой. И все из-за кого? Да из-за мужа сестры. Дурачок, было бы из-за кого! Тот хоть и молодой, но неровня Володе. Володя хоть в годах, а любить умеет, не то что молодые какие, те - словно кролики".

Скинув свои теплые сапоги в прихожей, она повесила пальто и шапку на свою еще никем не завитую вешалку. И вот она на кухне - хозяйка. Аппетитными ломтиками нарезала дорогие, после семнадцатого августа обвала рубля - деликатесы, ну, словно миллионерша какая и, скомандовав Володе, чтобы тот открывал бутылки, проговорила:

- Ну что, милый, будем праздновать сегодня старый Новый год!

Хозяин недоуменно смотрел за происходящим, открыл бутылки с водкой, пивом и паштетками и думал: "Где это она деньги взяла? Она нигде не работает, богатые коммерсанты, которые еще что-то могут, на нее не позарятся, потому что она беззубая и изрядно помятая. Да и вкопанная в тряпки по моде - не тронь меня, серый волк. А если когда ко мне приходила, то я ее угощал вином, водкой, когда чем мог, а тут что-то нечистое. Украла? Да она и воровать-то не может, у меня ничего не утащила, как некоторые, бывает. Даже когда угощал чем - и то не брала. А тут... А может, нашла изрядную сумму и шикует?"

И вот они накрыли праздничный стол с яствами и стали в комнате у телевизора выпивать за старый Новый год. Настроение у Володи приподнятое, праздничное, но он все же спросил ее с веселой ноткой в голосе:

- Ты это где столько денег нашла в наше безденежное время? Тебе из Израйла перевод пришел? Да?

- О нет, нет. А как же, те родственнички за копейку лучше задавятся, чем бедной мне уже помочь, - и зыркнув на него темными навывкате, с усмешкой глазами, проговорила:

- Это не твои проблемы!

В разгар праздничного пира опять кто-то настойчиво постучался, и хозяйка пошла открывать.

Подойдя к двери, Владимир открыл и увидел Натальиной сестры мужа, который стоял и тяжело дышал, будто за ним кто-то гнался.

- Ты откуда такой замордованный? - спросил всегда не унывающий Володя.

- Да все отсюда! Наталья у тебя? Она мне срочно нужна!

Хозяин хоть и плохо знал гостя, но ради приличия впустил его в квартиру, пригласил к столу и налил ему водки, которую тот выпил залпом. Затем он, чтобы

не мешать их по-родственному душевному разговору, отлучился на минуту в туалет, а когда вышел, то увидел, что гость гостью по щеке ударил. Возмущенный Володя никогда в своей жизни женщин даже пальцем не трогал, а тут экзекуция. И где? В его апартаментах! Этого еще ему не хватало!

- Ты за что женщину бьешь? - и он хотел было прилепить гостью своим кулаком промеж глаз.

На что тот показал в руке пачку денег в крупных купюрах и при этом произнес:

- Пока я у нее на хате спал, приехавши из командировки, эта красавица подрезала все мои копейки. Слава Богу, что у тебя хоть я ее нашел. Да вот, видишь, забрал свои гроши.

Володя, удивленный, спросил:

- Как ты нашел мою квартиру?

- Как? Да мать твою рассказала, которая живет на поселке. Я спросил ее, где живет Володя, которому я должен сто рублей, так она мне с радостью до мельчайших подробностей дорогу и дом, и этаж, и даже сколько раз стучаться - одним словом, все растолковала. А что делать? Ты же сам сварщик и знаешь, как на морозе дними и почками спаркой работать, а в оконцовке без грошей остаться. Так что не обессудь.

Володя, почесав свою лысину, произнес:

- Вы, родственнички, езжайте к себе домой и там разбирайтесь со своими проблемами, а то у меня своих хватает и без вас.

ВОРОВАЙКА

Да этот феномен, по моим соображениям, появляется даже реже, чем пришельцы откуда-то, например, летающие тарелки. Кто только их не видел! Пресса время от времени освещает эти события так, что аж дух захватывает. И это закономерно: неизвестное всегда было и будет будоражить умы человека. Так вот, какое-то существо повадилось красть бройлерных кур с нашего подворья. И главное, не всех сразу или половину, а по одной через какое-то время. Правда, научной работой никто не занимался, поэтому точно сказать, за какой период эти куры исчезли бесследно, затрудняюсь. Правда, люди, все видящие, говорили, что летающий шар кружил в моем районе и не единожды. "Чем черт не шутит, - думал я. - Может, того: пришельцы делали ням, моим ожиревшим куркам?"

Задача была не простая, загадочная, так как бройлят было сначала бесчисленно, потом стали считать, а затем стали пересчитывать. А они даже днем и то исчезали, словно испарялись. Кошки таскать таких больших не могли. Даже когда куры были еще цыплятами, так тогда захотела соседская киска ими полакомиться. То ту кошатицу брат с рогатки подбил, и она замертво упала в их загончик. Пока суть да дело, тот вспомнил о ней через два часа и захотел ее убрать из загона, но от той животины только шерсть кое-где осталась. Склевали эти бестии ее начисто, даже от хвоста - и того... ничего не осталось. А главное, не подавились им.

Собаки в загон к этим-то курам и сами не полезут, их даже масляным блином туда не заманишь. Один раз видел, как они одного пса охаживали своими клювиками. Тот бедный хуже, чем от пчел, от них такого чеху дал - только его и видели. И так, размышлений было - хоть отбавляй; все они были тупиковые.

Но тут мне работа крупная подвернулась, надо было большие плакаты

рисовать. Лето, свежий воздух. "Зачем в мастерской с ними тесниться?" - подумал я и перевез эту громоздкую работу к себе домой.

И вот я рисую плакаты разными по цвету красками. Мою кисточки и отряхиваю с них жидкостный краситель на кур, которые в считанные дни стали похожи на экзотических попугаев по своему оперению.

Ходят такие важнецкие около меня, глядя на мою работу, обсуждают ее по-своему: ну, словно заказчики какие. На какое-то время прекратилось уменьшение численности моей живности, и я подумал: "Вот камуфляжи и им наделал - сбил с толку жуликов". Но не тут-то было. Опять стали исчезать курки, и, главное, самые уже разукрашенные. "Что делать? Что

делать?" - думал я, облизываясь. - Придется в скором времени от действий этих или этого ворюшки питаться одним хлебом с солью и водой. А может быть, их соседи тянут? Но они - люди степенные, у них своей живности хватает".

Ради любопытства обонял соседские помойки в надежде найти улики, то есть крашенные перышки своих кур. Но, как в народе говорят: "Факир был пьян, и фокус не удался". Улики, как и крашенные куры, куда-то словно испарились... А тут еще соседи стали подозрительно поглядывать на меня, словно я у них что-то спер или задолжал им огромную сумму денег. При встрече здоровалось, а они стараются в мою сторону даже не смотреть, а если глядят, то как-то подозрительно.

- Что с ним? Может, чего того?

Но в один прекрасный день я все же и это, как ни странно... Вы случайно не подумайте, что вора поймал, ага, а как же!!! Увлечшись работой, я впопыхах забыл закрыть калитку, ту, что вела в огород. И вот некоторые куры стали ходить по огороду, поклеивая помидорчики, огурчики и другие поправившиеся им овощи. На деяния кур я внимания не обращал, корпел над разложенными плакатами спиной к огороду, который от загона отделялся небольшим заборчиком. Денек выдался нежаркий, поэтому я работал не спеша, старался сделать, как на выставку - на зависть конкурентам. Вдруг позади себя я услышал громкие хлопки крыльев о землю, будто огромная птица решила взлететь. Изначально в какие-то секунды я не придавал этому значения, но, оглянувшись, посмотрел - и то, что я увидел, спружинило меня от земли. Стоя с кисточкой в руке, я стал рассматривать животное, которое в течение эпического времени пожирало мою вкусную живность... Оно еще раз трянуло разукрашенную курицу, и та повисла, чуть-чуть испуская конвульсии в его сомкнутой намертво пасти.

"Вот те на, не было печали, так черти накачали", - подумал я, глядя на зверя, который словно с неба свалился.

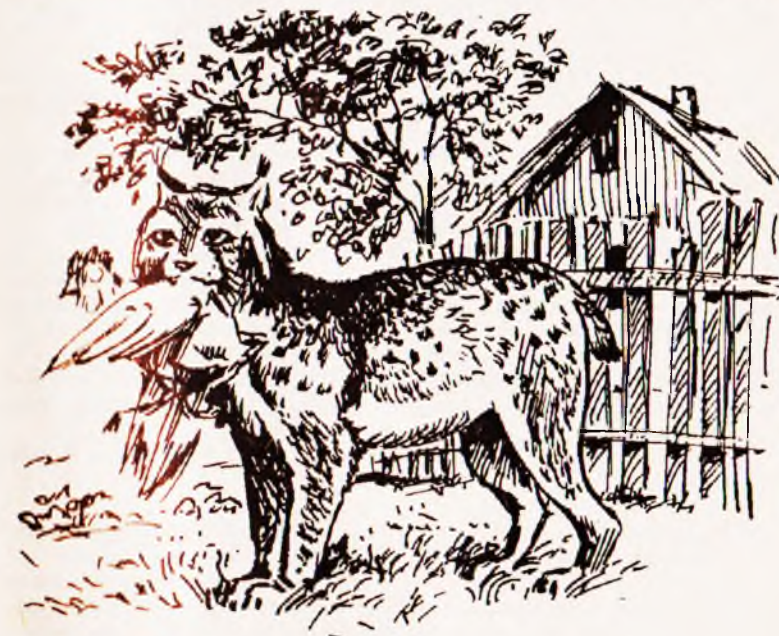
А он, тоже невинными внимательными глазками, уставился на меня, держа, как ни в чем не бывало, в зубах-клыках мою живность и даже не думая ее отпустить, а наоборот, он какими-то своими движениями еще удобнее захватил курицу. Я замер от удивления, а от любопытства даже открыл рот.

Это дикое животное вот так близко к носу, на расстоянии вытянутой руки - правдивей будет сказать, с кисточкой, что была у меня в руке, я видел впервые, хотя жил в тайге и там пришлось протоптать не одну сотню километров.

Это осторожное животное старается никогда не попадаться на глаза человеку, особенно охотнику да еще с собаками, которые моментально его выдают, и охотнику большого труда не составляет убить его. А тут, вот те на - рысь, да еще и взрослая рысь, живая и настоящая. И главное - не в зоопарке, а на воле, у меня дома, как у себя дома, присоседилась, язви ее побери, и напала, так сказать, столько пурги! "Кому сказать, никто не поверит", - думал так я, разглядывая ее с повышенным интересом - так, словно она мне позировала.

Длилось наше знакомство с минуту, за которую я рассмотрел ее чистенькую, желто-пепельную шубку в темно-коричневых пятнах: на спине - с большие пятки, по бокам, соответственно, как трешки, двушки и единички. На длинных по сравнению с коротким туловищем лапах стояла ко мне мордочкой, на которой красовались уши с кисточками. Взгляд ее зеленых пронизательных глаз попавшей врасплох, но самолюбивой и сильной, говорил: "И на старуху бывает проруха. Чего уставился, болван? Не в бане девок подсматривать. Смотри-ка, невидаль какая! Я свое беру, и не возмущайся: не только тебе в моих угодьях хозяйничать - зайцев да рыбчиков пожирать".

Затем она небрежно, как грузчик какой, умело закинула на спинку себе тушку курицы и подалась в заросли смородины, а там и дальше - через соседей, где тоже похозяйничала, на прощание показала куцый хвостик. Только ее и видели.

ЗВЕРУШКА

В тот дивный год, когда, как по мановению волшебной палочки, и дождь лил вовремя, и солнышко грело ласково, тогда и урожай был отличный на все овощи, фрукты и на мед дальневосточный, который не прекращался с самой весны. Сначала он кормил пчел, и те росли словно на дрожжах, набиваясь в улья к главному изытку с липы.

Вот тогда-то я со своим другом Валерием Станиславовичем Колобановым вывез своих пчел в урочище Бастаковское, которое находится в тридцати километрах от Биробиджана.

Летние в заботах и работах дни проносились быстро, как в калейдоскопе. Основная работа на производстве сменялась допоздна то на огородах, то на пасеке.

В один из последних июньских дней необходимо было ехать на пасеку, тщательно подготовиться к медосбору. Валерий Станиславович, как и договорились, рано утром заехал за мной. Мы загрузили в микроавтобус корпуса с пустой сушильней и вдвоем поехали по нижней куанской дороге, что вела на пасеку.

Гравийная дорога за городом зигзагами, промеж бескрайних болот прорезалась речушками с полустоячей водой. Перекинутые через них бревенчатые полуразвалившиеся мостки поровили с себя сбросить любую по ним проезжающую машину. Но те, словно циркачи, проскакивали по ним и катили дальше, выбирая себе места без ухабов.

Болотистая низменность с некогда росшими в изобилии на ней ягодой и грибами выгорела по прихоти бездумных и черствых людей и в укор им показывала черные язвы обуглившихся где наполовину, а где и полностью деревьев. Постепенно дорога уходила на возвышенность с более сухими релками, но тоже после пожарниц с пожухлыми подростками ели и кедра, а позеленевшие и уцелевшие ценные растения выкинули свои цветы в надежде показать людям красу, которую те так бездумно губят.

Проезжая среди буйной растительности, мы невольно вели разговор о преступной деятельности человека, погубившего пожарами столько добра - и это главное, - в то время когда он, полуголодный, обязан беречь природу хотя бы для себя, не говоря уже о потомках, которые за такие деяния могут и будут правы, если воткнут нам, ныне живущим, в могилы осиновые колья.

И вот уже дорога, широкой прямой лентой расстелившись по многочисленным увалам, маленькой ниточкой терялась у подножия скалистых гор, выжимавших словно из ватных облаков студеной влагу и питавших тем многочисленные ручьи и чистую, как слеза, некогда рыбную речку Бастак.

Любуясь дивной красотой и величием труженицы-природы, восстанавливающей тот райский сад, созданный Всевышним для человека и всех живых существ, поневоле отдыхали и в душе молили о вечности бытия.

Как вдруг через дорогу наперерез нам выскочил маленький зверек. Я крикнул Станиславовичу:

- Тормози!

Микроавтобус встал, как вкопанный, и я, выскочив, бросился догонять это живое существо, потому что из леса слышался надрывный лай собак.

Отрезав отход на время затаившемуся в кустарнике зверьку, чтобы он не убежал в мелколесье, я в мгновение ока подбежал к нему и накрыл курткой, осторожно и крепко перехватил это пушистенькое темное и длинненькое, с маленькой головкой и с парой бусинок глаз, смотревших на меня с интересом и удивлением.

Я забрался в кабину на свое место и к своей лохматой без куртки груди прижал,

поглаживая, это милое существо, которое, словно маленький котенок, понимая ласку, присмирело.

И вот тут по следу найденьша на дорогу выбежали преследователи - три пса, живущие на ближайшей пасеке.

Валерий Станиславович от этой незапрограммированной сцены смеялся и спрашивал:

- Ты это кого поймал? Колонка? Так у того шкурка ярко-рыжая и мех короткий. А это?

На его вопрос я ответил вразумительно:

- Нашим гостем является молоденький соболишка.

И поглаживая его, чмкнул несколько раз в симпатичную маковку.

Продолжая путь до места, Валерий Станиславович, поглядывая на нас, не переставал посмеиваться.

Как бы ни длинна была дорога до места, но и она кончается. По приезде на пасеку я посадил своего гостя в пустой улей, набросал ему ваты, а сверху накрыл железной кочевой сеткой. Помня, что соболя питаются свежей мясной пищей, я пошел в кустарник и там во множестве птичьих гнезд для голодного гостя стал периодически брать по одному еще неоперившемуся птенчику, оставляя более сильных на разведение. Сходил на речку Бастак и там с горем пополам поймал нескольких харюсков и леночка чуть больше голяня. Юрки ящерницы, раньше не интересовавшие меня, тоже пошли на пропитание моему гостю, который ел и спал, спрятавшись в вату.

На третий день, как всегда, я принес ему маленьких ящерниц, но моего гостя в клетке не оказалось: он убежал в тайгу сам добывать себе пищу. Он хоть был и маленький, но не был лодырем и нахлебником, как многие люди сейчас, а был самостоятельным и дал мне понять: в гостях хорошо, а дома (в необозримой тайге) - лучше.

Когда при случае я кому-нибудь рассказываю происшедшее, так дети верят мне, взрослые - тоже, но не все.

Охотники на соболей не верят, а говорят, всегда при этом сильно и язвительно смеясь:

- Соболя руками! Ну ты, паря, заливаешь!

- Пойми другие уши, ослиные, и втирай их или кому еще.

- Ты пойми, что соболя руками никто не ловил, а ловили дурни и были искуваны так, что Господь не приведи!

- И целовал? Он бы тебе нос враз откусил. Он кабаргу, маленького оленя давит. От твоего носа двухдырочная носопырка бы осталась.

И все в таком духе.

Но их-то понять можно: они охотники-промысловики, а я-то просто человек, и у меня понятия свои и иногда не вписываемые в общепринятые охотничьи правила.

ОБМЕН

Дядя Ваня, так его уважительно звали многие, был уже давно на пенсии. И если его спросили бы, сколько лет она на заслуженном отдыхе, то он сразу и не ответил бы. Да года, года! Что и говорить, старость не в радость, если еще живешь один. Дети да внуки у дяди Вани есть, но это же где-то в дальних городах и странах.

Даже возможность видеть их, то это только когда! Вот и приходится дяде Ване самому за собой ухаживать, то есть стирать, кушать готовить. А раз так, то и ходить за продуктами по магазинам и на базар.

Правда, мужчина он крепкий, высокого роста, полной комплекции, с выпирающим животом и при этом стройной фигурой, сравним был с баржей на Амуре, потому что ходил не спеша, шаркающей походкой, со своей неизменной палочкой.

Многочисленные знакомые с уважением здоровались с ним. С некоторыми он, останавливаясь, разговаривал и при этом смотрел из-под своих очков на человека добрыми изучающими глазами. Общение с людьми доставляло ему большое удовольствие.

В тот день дядя Ваня решил сходить на базар за молодой картошкой, которую он любил еще с голодного детства и, покупая ее, боготворил спасительницу. Сколько ему одному надо? Пару килограммов и все. Он собрался. Деньги в кошельке имелись, да и как им еще не быть, когда человек не зря жизнь прожил. Не спеша по ступенькам он спустился с лестницы и вышел из подъезда.

Солнце, поднявшись над домами, сияло и гладило своими лучами омытую дождем, одетую в зелень землю. Радужные цветы на клумбах, беспокойный щебет воробьев на печных их врагов - домашних, но особенно бродячих кошек, лай бегающих дворняжек, игры со смехом и плачем детишек - вся эта музыка жизни исподволь радовала глаз и баюкала слух старого человека. Он шел к намеченной цели не спеша. Куда ему спешить? Торговцы и торговки его ждут не дождутся. Центральный рынок, некогда маленький, с тремя десятками продавцов, за время хаоса и неразберихи, в который пустили на самотек страну правители-реформаторы во главе с Гайдаром, теперь в считанные годы разросся в десятки раз.

Остановившиеся фабрики и заводы выкинули людей на произвол судьбы, и те подались в продавцы, другие - в госслужащие, то есть в налоговые инспекции и прочие, и прочие, в банковские служащие, в разные бюро - от трудоустройства до преуспевающих похоронных.

В стране произошел очередной, как в народе говорят, "сдвиг по фазе". Поэтому увеличилось во сто крат число сотрудников внутренних дел, то есть милиционеров, спецназа и сюда приплюсовать охранников офисов и телохранителей разных особ, которым тоже надо платить. И платят, но как? Да и как всем: одним - да, другим - потом. Поэтому весь наш народ - от мала до велика - стал заготавливать себе еду самостоятельно, то есть садить на своих дачах необходимые овощи и фрукты. Многие даже умудряются разводить кур, свиней, кроликов, коз, пчел и тем самым обеспечивают себе пропитание, а излишки, то есть продукцию своего производства, продают на рынке.

Когда дядя Ваня пришел на базар, шум, гам и музыка из множества динамиков будоражили людей, и те сновали между рядами с товарами, приценивались и покупали, торгуясь, то, что считали нужным. Неподвластная, разношерстная шаптрапа и деловые, себе на уме, циничные в этом круговороте тоже находили себе непыхлую работу, изводя до пота охотившихся на них сыщиков.

Он не спеша прошел по огромному базару, как когда-то по выставке ВДНХ, когда был в Москве. Чего только на нем не было! Он глядел на огромный выбор заморских товаров и досада брала старика. Китайцы в считанные годы наводнили российские рынки продукцией, которую делали сами, и та потом валялась годами в уцененных магазинах.

Дядя Ваня шел и думал: "Нужны были перемены в стране, но не шкурные - когда даже облеченные большой властью коммунисты, в одночасье пожелав разбогатеть, побросали свои посты и, прикармливая себе общественное богатство, при этом став на время господами, оптом продали его за бесценок за границу. А в оконцовке многие, разорившись, снова на горбах еще живых и доверчивых стариков влезли во все аппараты власти и тянут ее опять на себя".

- Вот уж на кого надо товарища Сталина! - в сердцах проговорил он.

На его глазах местные правители, как только открыли границу, были в эйфории, словно дети, а вернее - как дикие аборигены. Они поехали и полетели в гости за кордон с визитами. И там, получая подарки по своим рангам, за это разрешили наводнить свои вотчины: лес, металл и стратегическое сырье для своих фабрик и заводов меняли на то, что нам негоже - воловью тушенку со свищами да водку со спиртом, столь коварным, загубившим огромное количество молодых душ, пополнив тем самым бесчисленные погосты огромной страны. Изменчивая жизнь для старика была в тягость, но он, как и все в этой огромной стране, надеялся на лучшее, с тем и жил.

Дядя Ваня, обошедши огромную площадь базара и утомившись от хождения по бесконечным рядам, посмотрев на продолжающееся строительство новых территорий, покачал головой и пробормотал в никуда:

- А кто тут будет-то потом покупать, если вся молодежь стала торговать? Мне и таким, как я, много не надо. А другие не работают. А если и работают, то деньги не получают... Пойду лучше куплю молодой картошки.

Он с поднятой головой и с кошельком в руках, глядя вдаль, пошел к рядам, заполненным в изобилии огородной продукцией местных жителей, дачников, колхозников и фермеров, жаждущих продать свой урожай. Огурцы, помидоры, арбузы, дыни и всевозможные экзотические фрукты и овощи наперебой своими запахами заставляли глотать слюну даже сытого.

Старый человек шел и думал: "А все-таки худо без добра не бывает. Обилие - это хорошо, но желанней оно от своих тружеников".

Подойдя, наконец, к торговавшему картофелем, он выбрал ту, которая была крупная и белая, то есть рассыпчатая. Молодая женщина, колхозница, обрадовавшись покупателю, стала хвалить свой товар так усердно, боясь потерять клиента. Старый человек не стал торговаться и подал свою кошелку. Торговка молниеносно насыпала картофель из ведерка, пока дядя Ваня вынимал деньги. Когда он рассмотрел вытаскиваемую купюру, то увидел: вместо десяти тысяч у него оказалось в руке сто. Но мир не без добрых людей. Рядом стоящие продавцы не смогли разменять его тысяч, так как еще не наторговали, поэтому колхозница, сказав своему покупателю, чтобы тот покараулил ее мешок с товаром, прытью бросилась разменивать деньги в ближайшем магазине, что был за углом.

Пока усаужившая торговка убежала менять деньги, дядя Ваня сначала успел перезнакомиться с соседними продавцами. По мере наплыва покупателей ему уже пришлось встать на место убежавшей "гадины и т.д.", как про себя уже начал крестить ее наш незадачливый покупатель. Он не на шутку стал браниться:

- Куда она могла подеваться? Нет ни денег, ни продавщицы!

Соседи по прилавку поняли, в какую историю влип, как муха в мед, дед и, с юмором посмеиваясь над ним, предложили ему самому торговать картошкой пока

нет продавца. Тут и сами покупатели стали интересоваться товаром. Дядя Ваня от непредвиденного ожидания потихонечку стал продавать желающим молодой и крупный картофель. Между делом он брался в надежде на появление хозяйки этого товара. Хотя дядя Ваня от природы и не был злым человеком, но тут ему пришлось вспомнить и потренироваться в словах, не лестных по отношению к обманщице. Он ее так крестил, что даже черти позавидовали бы ему, будь они рядом, а не то что какой-нибудь сапожник или плотник, нечаянно ударивший себя молотком по большому пальцу.

Полуденная жара и, словно капкан, мешок картошки злили незадачливого покупателя-продавца. И он, потный, терзаемый всякими мыслями, торговал впервые в своей долгой жизни. Стоящие рядом продавцы шутили по поводу происшедшего и, успокаивая, говорили, что если дед продаст картошку, то наварится хорошо, окупит свою сотню да еще со старухой вечером хорошо гулянуть сумеет. Но деду было не до смеха, особенно когда знакомые, здороваясь с ним, с удивлением судачили между собой:

- Вы только посмотрите, куда ему столько денег? Пенсия министерская, а еще картошкой торгует. Где он ее накопал, на чьей даче? Могут поймать и убить! Вон сколько попало и поплатилось своей шкурой.

Их полувздорные мысли и разговоры между собой для дяди Вани ничего не значили, он был честный человек, поэтому ждал и надеялся, что девица эта не птица, объявится, и он получит свои разменивные, а она - наторгованные им и остатки картошки в мешке.

День после обеда шел к закату, рынок, галдящий на разные голоса, рассасывался. Один дядя Ваня около мешка с картошкой одиноко взирав по сторонам, а освободившийся от работ знакомый носильщик предложил свои услуги, правда, за бутылку водки.

И вот дядя Ваня после трудового дня шел домой, и у него в голове, как в кино, мелькали многочисленные аферы, прочитанные им в газетах и журналах. Даже вспомнил почему-то про НЛО, которое воровало людей.

"Вот сейчас мне одному на сколько хватит ее кушать? На сколько! На сколько! Да до конца лета!" - он шел и бубнил, и деньги наторгованные его не радовали. Он не любил обманов, а тут какая-то...

Соседки, сидящие на лавочке около дома, с интересом глядели, как дядя Ваня, шедший с носильщиком, который нес половину мешка непроданной картошки, с неподдельным интересом спрашивали:

- Сосед, еще гости не приехали, а ты уже продуктами запасаешься?

- Наверное, сыновья с внуками пожалуют скоро к тебе? Смотри, как стараешься!

- Да!.. Да!.. Скоро приедут! - и он, уставший и злой, медленно прошаркал в свой

Расплатившись с носильщиком, дядя Ваня спрятался в своей квартире отдохнуть от людей, от жары и просто успокоиться.

УЧИТЕЛЬ

Семен отработал на пасеке помощником пчеловода свой первый сезон незаметно, а главное - быстро пролетело теплое, омытое дождями лето. Осень, одетая в пурпур и золото, не настраивала пчел на работу, и они, закормленные с лета, тихо ждали долгой и холодной зимы. Лишь иногда, в погожие, теплые дни, вылезали из летков погреться на солнышке и полетать беззаботно, не утруждая себя работой.

Помощников пчеловода, как трутней, на зимний период с пасек сокращали. Поэтому Семену было предложено на это время поехать и поучиться на годичных курсах пчеловодов в престижном училище. Он с большой радостью согласился. "Это же не в школе тройки внятяжку получать, а профессии учиться! И практика уже есть, только научно ее закрепить - и аттестат в кармане", - так думал он, сидя в купе скорого поезда, который катил его навстречу мечте.

Училище встретило его приветливо, порядок и чистота, сытно кормили в столовой. Чего еще надо? Только учись! Знающие свое дело педагоги с усердием вдабливали знания не очень-то охочей до учебы молодой смене.

Поначалу все нравилось не знающему забот юноше. Но чем дальше продвигалась учеба, тем нежеланнее она была. Предметов как снежный ком накатилось на него: тут тебе и политзанятия, и эстетика, и гражданская оборона, и к тому же уроки задавали, как в школе. А по утрам даже физзарядка. Все это так возмущало Семена, и он от злости так плевался, что ему слюней даже не хватало. При этом он говорил:

- Учиться на пчеловода год, когда можно и на двухмесячных курсах получить эти же знания и "корки" пчеловода. А тут - на тебе, конспектируй, как дурак, труды В.И.Ленина. Они пчелам нужны, как зайцу стоп-сигнал. Маленькие труженицы бею всяких политик меда себе и людям натаскают сколько надо и более. Мне на пасеке эти учения только к задю, это когда конспекты в туалете приберешь. А на двухмесячных курсах всего этого нет: мужики говорили, которые там учились.

Семен, поколебавшись, решил бросить это училище и поехать в совхоз, домой. И вот Семка, взяв билет на поезд, как в песне поется, "поехал до дому, до хаты".

По приезде домой Семка, не раздумывая, пошел к директору Ивану Афанасьевичу, которого на пчелосовхозе все уважали. Тот принял его в своем кабинете. Семен разъяснил мотивы, побудившие его бросить училище. Директор - человек умный, хотя на этой должности каких только не бывает, выслушав сорванца и подумав, сказал:

- Ладно, вы человек взрослый, как я смотрю, мыслящий. Теперь сами решайте, как вам жить, но на курсы запланированы люди семейные, а вам, молодому... Ну ладно, там далее поживем - увидим. А пока у вас, молодой человек, есть желание работать? Это похвально. Так что вы тут стоите? Немедленно идите на пилораму, найдете там Кузьмина Дмитрия Петровича, и оба - ко мне.

Дядя Митя, мужик в годах, был рабочим на пилораме и, пока еще не возили лес, занимался подготовительными работами. Когда за ним пришел Семка, он недолго собирался и сразу отправился к директору. Идя по дороге, с недоумением говорил:

- На кой ляд я ему понадобился? В пьянке замешан не был, жена ежели что на меня наболтала, так она знает мою натуру!

Топая по дороге своими новыми кирзачами, почесывая свою заросшую щетину заскорузлыми прокуренными махрой пальцами и глядя на мир голубыми глазами, он думал о том о сем - о своем.

Придя к директору, который их встретил радушно, с улыбкой, расспросил Дмитрия Петровича о здоровье и дал задание, от которого старый рабочий был в недоумении, а Семка - не в восторге. Им полагалось распилить на чурки огромную, толстенную кедрину. Та была сухостойной и годилась лишь на дрова для сторожки. И самое главное, пилить им полагалось не бензопилой, а пилой-двухручкой, которую директор предложил взять на время на складе у тети Любы, из дежурного запаса.

И вот, вооружившись инструментом, ребята приступили к работе. Дядя Митя, взяв в руки пилу, проверил развод, шеркнул напильником по зубцам, поправил на своей голове шапку-ушанку, сказал назидательно:

- А мне работа всякая по душе, хоть боланы катать, хоть пельмени глотать. Так что, дружок, берись за рожок, впахивать будем всем на удивление.

И вот они взялись за работу, пила ширк, ширк, медленно вгрызалась в древесину. Чем дальше пилили, тем обильней пот застилал глаза Семке. Дядя Митя, привыкший ко всяким работам, поучал его, как держать пилу: не жать, не загигать на себя или от себя и так далее. Молодой человек, еще не привыкший к такому труду, быстро выбился из сил, но он, хоть и уставший, не показывал вида старику. При такой работе у Семена непроизвольно стали вкрадываться мысли, а затем он, осерчав за то, что бросил учиться, мысленно поносил себя несчастными ругательствами.

До обеда время тянулось долго, но при ударном труде с горем пополам ребята с перекурами осилили две чурки. Дядя Митя, посмотрев на проделанную работу, остался доволен, при этом он сказал, уходя на обед:

- Ничего, Семен, после обеда подкрепимся и дела у нас пойдут быстрее, этот хлыст все тоньше и тоньше, да и сердцевина сверху пропилла, видно, дерево когда-то молнией будкнуло. Что и говорить, исполнил был: в комеле даже на глаз полтора метра, так что, не поевши хорошо, его не осилить.

Пока ребята были на обеде, игравшие доселе в свои игры подростки удумали поразвлечься. С пожарного щита шкодливые дети сняли лом и топор, и, по-своему разлекаясь, они с большим трудом при помощи топора, которым били, вогнали лом в гнилую сердцевину недопиленной кедрки. Заделав отверстие с вогнанным ломом, они стали наблюдать за пришедшими на работу повеселевшими мужиками.

После обеда все началось сначала. Пила - ширк-ширк, из огромной кедрки то на одну, то на другую сторону по маленькой горсточке подсыпала опилок. Дядя Митя, уже немножко под хмельком, говорил без умолку. То он поучал Семку, то рассказывал истории из жизни и каким он был забиякой и сорви-головой. Как вдруг пила напоролась на что-то твердое. Дмитрий Петрович, посмотрев на напарника серьезно, проговорил:

- Эх, ма! На сук напоролась, должно быть. А может, на пулю, что в зверя летела да в древесине застряла? Но ничего, потихонечку перепилим. Ты это, главное, слушай меня. Ты это помоложе. Влезь наверх, и мы пропилим одну сторону, а затем - другую. Потом вон трактором долбанем, и она откатится, эта чурка, как и те две. Будь она неладна, кошка в сметане.

Семен, изобразившись на кедр, стал пилить сверху, а дядя Митя полулежа дергал за ручку пилы и ругался.

Пока пилили две стороны, приспособляясь и так, и эдак, пила тупилась раз за разом. С упорством дятла Дмитрий Петрович точил ее, и та, железная, с охотой до работы и упрямыми людьми по сантиметру, по миллиметру мусолила бревнище с "подарком". Шутники, видя, с каким самоотверженным энтузиазмом и упорством работают Семка с дядей Митей, добывая себе и своим домочадцам хлеб насущный, хохотали до слез, до промокших штанов. Еще бы, не каждому дано вот так-таки запросто, обыкновенной пилой умудриться лом перепиливать.

Рабочий день близился к концу, когда по-настоящему настырные ребята допилили чурбан. И, откатив, посмотрели на сук, который им так мешал... так мешал... Дмитрий Петрович, проживший жизнь непросто и сам был из тертых калачей, а тут так опростоволосился - он лом принял черт знает за что.

- Если кому рассказать, примут за того, из психушки. Теперь весь совхоз на смех поднимет и еще клечку прилепят и говорить будут: "Вот допилил!" Это еще хуже, чем до чертиков! Кошка в сметане! Тыфу ты!

Но он, впервые глядя на свою работу, так ругался... так ругался, ну как только мог и, схватив пилу в свои мозолистые руки, быстро унес ее на склад.

Стенка-попка, как когда-то в детстве дразнили его, с сарказмом теперь повторял, ругал себя. Как вдруг увидел директора, подходившего к нему. Степан смутился, ему было стыдно и за сделанное на работе, и за то, что бросил учиться в училище. Настроение у него было подавленное, да еще этот лом - все одно к одному.

Иван Афанасьевич поинтересовался насчет работы и, глядя на Семку, потного и растерянного, сказал ему:

- Вы знаете, сколько за день заработали?

- Нет! - шмыгнув носом, нагнув голову и пряча глаза, ответил юноша.

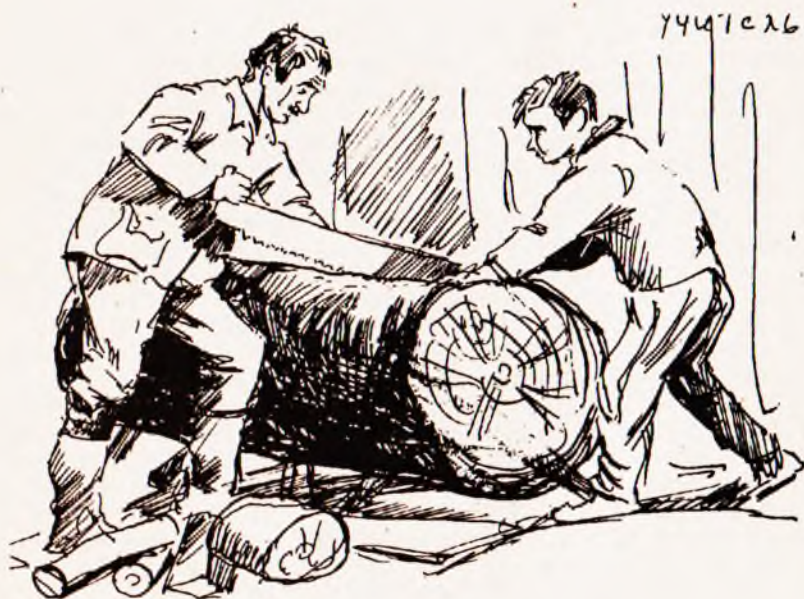
- Двенадцать копеек! На булку черного хлеба и то не заработали, - проговорил директор и добавил назидательно: - На годичные курсы вы заработали своим трудом на наске, на двухмесячные курсы зарабатывать будете там, куда вас пошлют. Думайте и решайте: будете работать или учиться.

Он повернулся и пошел, чуть прихрамывая, в контору. Семка, глядя ему вслед,

понял многое, чего от него добивались учителя криками, родители - розгами. "Надо учиться", - решил он.

По приезде в училище Семен стал учиться все лучше и лучше, а затем подал документы в техникум на заочное обучение.

Прошли годы. Семен Иванович, большой начальник, с благодарностью вспоминает директора-учителя и его слова: "Думайте и решайте!"

Содержание

БЛИЗНЕЦЫ	3
ДОМОВОЙ	8
ИЗЮБРИХА	10
У КОНСУЛА (Монолог)	14
ПЕУАНСКИЙ КОВЕР.....	15
ПРАЗДНИЧНЫЙ МИЛЛИОН	22
РОЖДЕСТВО	24
МИЛА (Сказка)	28
КЛЕНОВЫЙ СОК	31
НАЖИВКА	35
УГОЩЕНИЕ	47
ЦАРАПОК	50
НЕ ТВОИ ПРОБЛЕМЫ	51
ВОРОВАЙКА	53
ЗВЕРУШКА	56
ОБМЕН	58
УЧИТЕЛЬ	61

Владимир Иванович БАДИКОВ

И смех, и грех

Сборник рассказов II

Художественный редактор: Владислав ЦАП

Корректор: Юлия СЕРГЕЕВИЧ

Компьютерное оформление: Валерия ЛУДКОВА

Подписано в печать 2000 г.

Заказ N

Отпечатано в типографии "БШ"

г. Биробиджан, ул. Ленина 34-а,